

М.П. ИРОШНИКОВ

А.О. ЧУБАРЬЯН

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

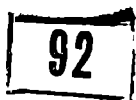
ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

М.П. ИРОШНИКОВ

А.О. ЧУБАРЬЯН

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

ОБ ИЗДАНИИ
СЕКРЕТНЫХ ДОГОВОРОВ
ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1970

История опубликования Советским правительством в 1917—1918 гг. тайных договоров, заключенных царской Россией и другими империалистическими державами, составляет яркую страницу советской внешней политики и дипломатии.

В книге на основе уже известных и новых документальных материалов рассказано об обстоятельствах, связанных с опубликованием договоров, показан международный резонанс публикации договоров, раскрыта роль В. И. Ленина в формировании принципов советской внешней политики, в создании советского дипломатического аппарата.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук А. Е. И О Ф Ф Е

Михаил Павлович Ирошников, Александр Оганович Чубарьян

Тайное становится явным

Утверждено к печати редколлегией серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор Н. В. Шевелева Художник В. И. Терещенко
Технический редактор Ф. М. Хейкох

Сдано в набор 23/I 1970 г. Подписано к печати 22/IV 1970 г. Формат 84×108¹/₃₂
Усл. печ. л. 4,2 Уч.-изд. л. 4,0 Тираж 50 000 Т-06742 Тип. зак. 4037
Бумага № 2 Цена 24 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В начале марта 1917 г. в Женеву пришли первые известия о свержении самодержавия в России. В эти дни В. И. Ленин написал ряд статей, в которых сформулировал внешнеполитическую программу большевистской партии. Если бы государственная власть в России принадлежала Советам, указывал Ленин, то они могли бы осуществить следующие меры:

1. Отказаться от тайных договоров, заключенных царизмом и буржуазным Временным правительством.
2. Опубликовать эти договоры.
3. Предложить всем воюющим державам заключить перемирие.
4. Обнародовать условия мира: освобождение всех колоний, освобождение всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов.
5. Обратиться к рабочим всех стран с призывом свергнуть буржуазные правительства и передать всю власть Советам рабочих депутатов.
6. Отказаться от признания рабочими и крестьянами всех долгов и процентов по займам¹.

Эта программа означала переход к новой внешней политике и дипломатии. Обращение к международному пролетариату, отказ от всех долгов, от всех договоров, призыв к освобождению колоний были направлены на революционизирование народов, на борьбу против империализма.

И в дальнейшем во многих статьях и выступлениях в период подготовки к социалистической революции В. И. Ленин многократно формулировал внешнеполитическую программу будущей революционной власти.

¹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 53.

И в ней одним из важнейших было требование опубликования тайных договоров.

Многие сотни лет существовали различные государства. И всегда и повсюду внешняя политика проводилась в глубокой тайне. Правители древнего Рима, стран средневековой Европы и Востока хранили как святую святых свои договоры. Проходили десятки и сотни лет, империи и королевства сменялись буржуазными республиками, расширялись средства информации, но, как и прежде, мир ничего не знал о тайных соглашениях.

Те, кто ставил свои подписи под этими документами, перекраивали карту Европы и Азии, мало заботясь об интересах народов различных стран.

В конце XIX — начале XX в. над Европой нависла тень мировой войны. Это было время активной дипломатической борьбы. В течение 1900—1914 гг. империалистические державы заключили немало договоров и соглашений, в том числе такие важные, как о создании двух враждующих блоков — Антанты и Тройственного союза, о разделе сфер влияния, территорий и пр.

После начала первой мировой войны дипломатическая активность не ослабла. Англия, Франция и Россия не прекращали обсуждения вопросов о будущем разделе мира, о дележе сфер влияния в Европе и Азии. Ситуация мало изменилась и после ликвидации российской монархии. Временное правительство в лице Львова и Милюкова, а затем Керенского и Терещенко продолжало секретные переговоры Антанты. Появлялись новые договоры и соглашения, писались записки и обзоры.

В прессе публиковались сообщения о встречах политиков различных стран, но результаты этих встреч оставались неизвестными мировой общественности.

На Даунинг-стрит в Лондоне, на Кэ д' Орсе в Париже, на Вильгельмштрассе в Берлине, на Дворцовой площади в Петрограде тщательно следили за тем, чтобы важнейшие архисекретные дипломатические бумаги были доступны только самым посвященным. Очень редко на страницы газет просачивались сведения о каких-либо сделках, и то лишь тогда, когда в их публикации оказывались заинтересованными сами участники.

Именно поэтому обещание большевиков опубликовать тайные договоры рассматривалось как чисто пропагандистское.

Между тем для большевиков это было не пропагандистское требование, оно имело глубокий практический смысл. Большевики всерьез намеревались нанести удар по тайной дипломатии, демократизировать всю внешнюю политику, разоблачить истинные деяния правителей Англии, России, Франции, Германии и других стран.

В. И. Ленин писал, что Советское правительство немедленно предложит всем народам общий мир и перемирие, причем главным условием мира будет отказ от аннексий. Советское правительство опубликует и расторгнет тайные договоры. «Такие условия мира,— отмечал В. И. Ленин,— не будут встречены доброжелательно капиталистами, но у всех народов они встретят такое громадное сочувствие и вызовут такой великий, всемирно-исторический взрыв энтузиазма и всеобщего возмущения затягиванием грабительской войны, что, всего вероятнее, мы получим сразу перемирие и согласие на открытие мирных переговоров...

Если осуществится наименее вероятное, т. е. если ни одно воюющее государство не примет даже перемирия, тогда война с нашей стороны сделается действительно вынужденной, действительно справедливой и оборонительной войной»².

Наступил октябрь 1917 г. С раннего утра первого дня пролетарской революции — 25 октября³ — в приемной министра иностранных дел М. И. Терещенко раздавались телефонные звонки. Звонили послы и посланники, поверенные в делах, атташе, консулы и прочие дипломатические представители всех рангов, аккредитованные в Петрограде от различных государств. Все они спешили получить разъяснения в связи с разыгравшимися в столице событиями. Особенно настойчивыми были дипломаты стран «Сердечного согласия» (Антанты — *Entente cordiale*) — союзников России в первой мировой войне. Около полудня министерство запросили с Дворцовой набережной, 4: с господином министром хотел говорить сэр Джордж Бьюкенен, посол Великобритании...

Всего лишь позавчера, 23 октября, он выступал в роли радушного хозяина, принимая на завтраке в английском посольстве М. И. Терещенко и двух других ве-

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 232—233.

³ Все даты в книге даются по старому стилю.

душих членов кабинета А. Ф. Керенского—заместителя министра-председателя и министра промышленности А. И. Коновалова и председателя Экономического совета С. Н. Третьякова. Тогда гости дружно успокаивали сэра Бьюкенена, что слухи о восстании в столице под руководством большевиков по меньшей мере преждевременны. «Они все трое уверяли меня,— вспоминал Д. Бьюкенен,— что правительство имеет за собой достаточную силу, чтобы справиться с положением...» Тогда же Терещенко сообщил английскому послу о том, что он убедил Керенского отдать приказ об аресте большевистских руководителей... И вот спустя только два дня состоялся новый, на сей раз не столь продолжительный разговор. «Я был уведомлен,—писал впоследствии Д. Бьюкенен,— что Терещенко отказался от всякой мысли ехать в Лондон (на следующий день, 26 октября, министр иностранных дел России и английский посол собирались выехать в столицу Великобритании и затем в Париж — на совещание представителей стран Антанты.— *Авт.*) и что он не может меня видеть...»⁴.

Не более удачливым, нежели его британский коллега, оказался и американский посол Фрэнсис, позвонивший на Дворцовую площадь, 6, вскоре после Бьюкенена. Буквально накануне—24 октября—он последним из иностранных дипломатов лично беседовал с министром иностранных дел Временного правительства. Этот доверительный разговор происходил в кабинете Терещенко в довольно напряженной атмосфере: из окон кабинета, выходящих на Дворцовую площадь, было хорошо видно, как последние защитники Зимнего дворца — юнкера — укрепляли штабеля дров у главных ворот. По откровенному признанию министра, с каждым часом угроза большевистского выступления становилась все более реальной, «но я ушел,— вспоминал Д. Фрэнсис,— чувствуя себя обнадуженным и убежденным в том, что его (Терещенко.— *Авт.*) вера в способность правительства подавить любую попытку большевиков оправдания»⁵. Этим надеждам, как известно, не суждено было сбыться. На завтра аме-

⁴ Д. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М., ГИЗ (6. д.), стр. 266.

⁵ D. Francis. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 178—179.

Здание бывшего Российского Министерства иностранных дел

риканскому послу, собравшемуся по обыкновению к часу дня в МИД, вдруг неожиданно сообщили, что министр занят «неотложными делами». Настоять на необходимости немедленной встречи с Терещенко Фрэнсису так и не удалось. А после того как к Фрэнсису явился крайне встревоженный Ш. Уайтхауз, один из секретарей посольства, и подробно рассказал о состоявшейся у него утром беседе с Керенским и об отъезде последнего из столицы, почти полностью вышедшей из-под контроля фактически уже изолированного и устраненного от власти Временного правительства, американскому послу стал ясен подлинный смысл всего происшедшего.

В это время озабоченный Терещенко вызвал из приемной своего секретаря. Министр явно опаздывал в Зимний дворец, где собрались на чрезвычайное заседание члены Временного правительства, и все же обязательно хотел увидаться с одним человеком — своим товарищем (заместителем) по ведомству иностранных дел А. А. Нератовым.

Бывший царский МИД при Временном правительстве не претерпел каких-либо существенных изменений.

Сильнее Февральской революции 1917 г. оказались чиновничье-бюрократические «традиции». В неизменном виде сохранился и весь прежний состав служащих. Подавляющее число чиновников, и особенно ответственные должностные лица, как и раньше, при царе, являлись представителями наиболее аристократической и привилегированной части помещичье-буржуазных кругов. Одним из таких опытных дипломатов-профессионалов, верой и правдой служивших сначала государю-императору (и удостоенных за это монаршей милости — произведен в гофмейстеры и тайные советники), а затем Временному правительству, и был А. А. Нератов. Именно ему пришлось стать последним собеседником Терещенко в здании на Дворцовой, 6.

Нам неизвестно, о чем говорил днем 25 октября со своим заместителем последний министр иностранных дел последнего буржуазного правительства России. Но, зная то, что предшествовало этой встрече, а также последующие события, можно довольно уверенно, в двух словах, сформулировать основную тему их разговора: что делать? Вполне вероятно, отбросив в сторону всякую дипломатию (теперь было явно не до нее), Терещенко откровенно сообщил Нератову неприятную правду: положение правительства чрезвычайно угрожающее; восстание может произойти в ближайшие дни. Больше того, есть основания полагать, что оно совершится сегодня же...

Эта беседа происходила около трех часов дня 25 октября. А примерно через 12 часов, в 3 часа 10 минут ночи 26 октября, в Смольном после короткого получасового перерыва возобновилось первое заседание исторического II Всероссийского съезда Советов.

Последнее буржуазное правительство России пало. «Бывшие» министры низложенного Временного правительства под охраной солдат и красногвардейцев были отправлены в отведенную для них революцией новую резиденцию — камеры Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. И находившийся в их числе Терещенко, проходя по Дворцовой площади сквозь волнуемое людское море восставшего народа, в последний раз увидел «свое» министерство. Осуществлением внешней политики и дипломатии новой, Советской России предстояло заняться другим...

ЦѢНА:
въ Петроградѣ 15 коп.
на от. жел. д. 12 коп.

Адрес: редакция Смоленский Институт, 2-й этаж, комната № 122. Телефон: № 34-25.

принятый единогласно на заседании Все-
российского Съезда Советов Рабочих,
Солдатских и Крестьянских Депутатов
26 октября 1917 г.

[illegible]

Первым актом пролетарской власти был исторический Декрет о мире. На II Всероссийском съезде Советов выступил вождь победившей пролетарской революции. «Было ровно 8 часов 40 минут, — зафиксировал в своем репортерском блокноте присутствовавший на вечернем заседании съезда 26 октября Джон Рид, — когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина — среди них. Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но с уже проступавшей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании пронизательной гибкости и дерзновенной смелости ума»⁶.

Как вспоминает делегат съезда А. А. Андреев, при появлении В. И. Ленина «весь зал поднялся и сдвинулся к трибуне, где стоял Ленин. Он долго не мог начать свою речь из-за непрекращающихся аплодисментов и возгласов: «Да здравствует Ленин!».... В воздух летели шапки, кепки, матросские бескозырки, мелькали поднятые винтовки. Так, стоя, съезд выслушал доклад Ленина о мире»⁷. Затем В. И. Ленин прочитал написанный им текст Декрета о мире, предложенный на рассмотрение съезда большевистской партией. Джон Рид писал в своих записных книжках: «Всюду вокруг: между колоннами, на подоконниках, на каждой ступеньке, ведущей на сцену, да и на краю самой сцены — публика..., состоящая из простых рабочих, простых крестьян и про-

⁶ Д. Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1959, стр. 116.

⁷ А. А. Андреев. О Владимире Ильиче Ленине. М., 1965, стр. 23—24.

стых солдат. Кое-где щетинятся штыки... Воздух сизый от табачного дыма и дыхания. Сквозь эту сизую завесу сотни лиц смотрят на сцену, в глубине которой собраны красные знамена с золотыми надписями. Открытые и решительные лица, почерневшие в окопах от мороза, широко поставленные глаза, большие бороды или иногда тонкие ястребиные лица кавказцев или азиатов из Туркестана...»⁸

Декрет о мире был небольшим, предельно сжатым документом. В нем провозглашался отказ Советской России участвовать в империалистической войне и одновременно формулировались основные принципы внешней политики и дипломатии государства нового, социалистического типа: решительное осуждение войны как средства решения спорных вопросов, подлинное миролюбие и стремление к установлению отношений со всеми государствами, полное равноправие всех, больших и малых народов, уважение интересов других государств и невмешательство в их внутренние дела. В декрете также провозглашалось право каждого народа, независимо от его численности, степени экономического и культурного развития, на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельного государства.

Декрет начинался обращением нового, рабоче-крестьянского правительства ко всем воюющим народам и их правительствам с предложением начать немедленные переговоры о справедливом демократическом мире. Затем в декрете говорилось о том, что Советское правительство считает справедливым и демократическим мир без аннексий и без контрибуций.

Далее подробно раскрывалось содержание термина аннексия. «Под аннексией, или захватом чужих земель, правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно

⁸ Д. Рид. Второй день.— «Известия», 3 ноября 1964 г.

присоединенная или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет».

Декрет конкретизировал, в каких формах и каким способом может осуществляться аннексия. К этим формам декрет относил препятствия к желанию какой бы то ни было нации (вне зависимости от того, как это желание выражалось — в печати, на собраниях, в решениях партии, в восстаниях против национального гнета и пр.) решать вопрос о ее государственном существовании и др.

Развернутое определение аннексии, основанное на многочисленных ленинских статьях по этому вопросу, создавало международно-правовую основу для борьбы наций за самоопределение и национальное освобождение, что в условиях того времени имело чрезвычайно большое значение, особенно в связи с ростом национально-освободительного движения в Европе и в других частях мира, а впоследствии сыграло существенную роль в развитии международного права вообще, отразилось на уставах и программах многих международных организаций. Этот раздел Декрета о мире явился фундаментом одного из важнейших направлений советской внешней политики и дипломатии — поддержки национально-освободительного движения народов различных стран и континентов.

В Декрете о мире объявлялось, что Советское правительство выступает против тайной дипломатии вообще, выражает твердое намерение вести переговоры открыто перед всем миром и приступает к немедленному опубликованию тайных договоров, все содержание которых отменяется.

Большое место в Декрете о мире занимало предложение о заключении мира. Советское правительство заявляло, что оно готово немедленно подписать условия мира, прекращающего войну на равно справедливых условиях для всех без изъятия народностей. Вместе с тем в декрете отмечалось, что правительство не считает свои условия мира ультимативными и не возражает против рассмотрения других условий мира. Советское правительство соглашалось вести переговоры о заключении мира по телеграфу, письменно, на встречах между представителями разных стран или на конференциях таковых

представителей и назначало своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Важнейшей особенностью Декрета о мире было то, что он являлся также декларацией, одновременно адресованной не только к правительствам, но и ко всем народам и в особенности к рабочим воюющих стран. «Мы не можем игнорировать правительства,— пояснял В. И. Ленин, докладывая делегатам съезда проект декрета,— ибо тогда затягивается возможность заключения мира.., но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира»⁹.

В заключение в декрете выражалась глубокая убежденность в непоколебимой интернациональной сплоченности международного рабочего движения. При этом упор делался на обращение к рабочим Англии, Франции и Германии, внесшим наибольший вклад в дело прогресса и социализма (напоминалось о чартистском движении в Англии, о французских революциях, о борьбе германских рабочих против исключительного закона и за создание массовых пролетарских организаций). Правительство страны победившей революции выражало надежду, что рабочий класс этих трех крупнейших стран Европы своей решительной и беззаветно энергичной деятельностью поможет Советской власти довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации.

Состоявшееся после доклада В. И. Ленина обсуждение проекта Декрета о мире вылилось по существу в яркую демонстрацию всеобщего одобрения изложенной в нем позиции большевистской партии. Ф. Э. Дзержинский, П. И. Кулиниченко, В. С. Мицкявичюс-Капсукас, П. И. Стучка и другие делегаты съезда заявили о своей поддержке ленинского Декрета о мире и отметили его громадное историческое значение. Представитель Ровенского Совета Я. С. Базарный выступил от имени своего Совета: «Мне мой Совет поручил добиться перемирия на всех фронтах и справедливого демократиче-

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 16.

ского мира. Мы, солдаты, которые сидят в окопах, которые сидят в тылу,— все солдаты не только России, но и во всех воюющих странах будем голосовать за это предложение, как буду голосовать и я»¹⁰.

Вместе с тем несколько делегатов настаивало на том, чтобы изложенные в декрете предложения носили ультимативный характер. Так, меньшевик-интернационалист А. Д. Еремеев сказал, что он будет голосовать за декрет «с одним условием: если будут выброшены слова о том, что мы будем рассматривать всякие условия мира. Это не должно быть, так как могут подумать, что мы слабы, что мы боимся. Наше требование о мире без аннексий и контрибуций должно быть ультимативным»¹¹. В заключительном слове В. И. Ленин, специально остановившись на заявлении А. Д. Еремеева, подробно разъяснил ошибочность и опасность для дела пролетарской революции такого псевдореволюционного и явно не реалистического подхода к вопросу о путях достижения мира. «Мы не можем требовать,— решительно подчеркнул В. И. Ленин,— чтобы какое-нибудь незначительное отступление от наших требований дало возможность империалистическим правительствам сказать, что нельзя было вступить в переговоры о мире из-за нашей непримиримости... Мы не смеем, не должны давать возможность правительствам спрятаться за нашу неуступчивость и скрыть от народов, за что их посылают на бойню»¹².

Далее В. И. Ленин снова коснулся вопроса о публикации тайных договоров.

«Тайные договоры должны быть опубликованы. Должны быть отменены пункты об аннексиях и контрибуциях...— говорил В. И. Ленин.— Мы не дадим себя опутать договорами»¹³. Вместе с тем в тексте декрета была выражена ленинская идея о возможности мирного сосуществования государств с различным социальным строем. «Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях,— указывал В. И. Ленин, обосновывая перед делегатами съезда этот важнейший внешнеполитический принцип,— но все пункты, где заключены условия добро-

¹⁰ «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.». М.—Л., 1928, стр. 21.

¹¹ Там же, стр. 65.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 19—20.

¹³ Там же, стр. 20.

соседские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать»¹⁴.

Последнее замечание В. И. Ленина было очень важным и имело принципиальное значение для будущей внешней политики и дипломатии Советской страны, которая уже в первой своей внешнеполитической декларации выражала готовность пойти на экономическое сотрудничество со странами капитализма.

Ленинский Декрет о мире был принят съездом единогласно. «Итак, свершилось...», — вспоминал присутствовавший вместе с Джоном Ридом на заседании съезда Советов 26 октября американский публицист Альберт Рис Вильямс. — Люди заулыбались, глаза их засияли, головы гордо поднялись. Это надо было видеть! Еще не сформированное по-настоящему правительство... обращалось ко всей планете со своими мирными предложениями... Рядом со мной поднялся высокий солдат и со слезами на глазах обнял рабочего, который тоже встал с места и яростно аплодировал. Маленький жилистый матрос бросал в воздух бескозырку... Выборгский красногвардеец с воспаленными от бессонницы глазами и осунувшимся небритым лицом огляделся вокруг, перекрестился и тихо сказал: „Пусть будет конец войне“»¹⁵.

Итак, большевики объявили о своем твердом намерении выполнить все те обещания, которые давались ими накануне революции. И среди этих обещаний — публикация тайных договоров и соглашений.

¹⁴ Там же.

¹⁵ А.-Р. Вильямс. Новая Россия глазами американцев. — «Иностранная литература», 1967, № 5, стр. 35.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Для того чтобы перейти к реализации исторического Декрета о мире и содержавшегося в нем заявления первого рабоче-крестьянского правительства России об отмене тайной дипломатии и намерении сделать известными всем народам тайные договоры, заключенные царским и Временным правительствами, необходимо было, прежде всего, срочно овладеть аппаратом бывшего Министерства иностранных дел и, коренным образом реорганизовав его, создать по существу новое дипломатическое ведомство, способное решительно отстаивать интересы Советской власти в области международных отношений.

Для приема дел бывшего МИД Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов наметил одного из своих ведущих членов, М. С. Урицкого. И уже в первый день пролетарской революции, 25 октября, приказом Петроградского ВРК он был назначен комиссаром при Министерстве иностранных дел, а всем военным и гражданским властям предписывалось оказывать ему всяческое содействие при исполнении возложенной на него обязанности¹. Большевистская «Рабочая газета» в заметке «Гражданин Урицкий и тайные договоры» с негодованием сообщала своим читателям о первом визите в МИД представителей Советской власти, потребовавших предъявления секретных дипломатических документов. «Товарищ министра иностранных дел Нератов,— с нескрываемым злорадством говорилось в заметке,— категорически отказал гражданину Урицкому в предъявлении тайных договоров, заявив ему, что все договоры могут быть предъявлены лишь министру иностранных дел, а не ему, Урицкому, который,

¹ См. «Петроградский военно-революционный комитет». т. I. М., 1966, стр. 120.

во всяком случае, является лишь временным комиссаром временного революционного комитета...»² Однако уже вечером 26 октября из рук чиновничьих верхов бывшего МИД был выбит и этот явно надуманный формальный аргумент. Декретом II Всероссийского съезда Советов о создании рабочего и крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров — в числе 13 комиссий (комиссариатов), которым поручалось осуществлять заведование отдельными отраслями государственной жизни, указывалась и комиссия по иностранным делам.

27 октября новое руководство внешнеполитического ведомства России обратилось к чинам бывшего министерства со специальным воззванием. В нем предлагалось явиться всем без исключения служащим, им гарантировалась полная неприкосновенность, не желающим продолжать служить предлагалось немедленно заявить об этом. Далее говорилось, что документы должны сохраняться в безукоризненном порядке и что любое противодействие работе Совета Народных Комиссаров будет караться по всей суровости законов революции.

После полудня представители Советской власти снова пришли в здание на Дворцовой, 6. Служащим бывшего министерства (собралось около шестисот человек) было объявлено: Советская власть выражает надежду, что сможет рассчитывать на ваше сотрудничество. Прежде всего необходимо помочь в кратчайший срок перевести на все важнейшие иностранные языки текст Декрета о мире. Но чиновники бывшего МИД продемонстрировали в ответ, как писала в те дни буржуазная газета «День», свою «резкую и открытую оппозицию»³.

Одними из первых (по свидетельству Д. Бьюкенена, именно их примеру последовали затем служащие ряда других министерств) они поддержали откровенно антисоветское выступление Комитета Союза союзов служащих государственных учреждений Петрограда 27 октября на чрезвычайном заседании городской думы столицы: «Мы не считаем возможным отдать свой опыт, свои знания и самый аппарат управления насильникам...»⁴ При-

² «Рабочая газета», № 197, 27 октября 1917 г.

³ «День», № 200, 29 октября 1917 г.

⁴ «Дело народа», № 203, 8 ноября 1917 г.

соединившись к этому решению, чиновники бывшего МИД, как и большинство служащих других правительственных ведомств, заняли по отношению к Советской власти явно враждебную позицию и категорически отказались не только продолжать свою работу под руководством Совета Народных Комиссаров, но и вообще от всякого сотрудничества с «захватчиками власти». В связи с этим буржуазная и мелкобуржуазная пресса единодушно предсказывала быструю капитуляцию Совета Народных Комиссаров. «Уже в первые дни торжества победителей отказались действовать служащие всех государственных учреждений, всех министерств. Круто остановился весь правительственно-административный механизм,—с явным удовлетворением отмечала, например, меньшевистская „Искра“.—И сразу в воздухе повисли все рассчитанные на эффект „декреты“ новой власти»⁵.

Действительно, саботаж чиновников бывшего МИД должен был, по мнению его организаторов, явиться надежнейшей гарантией того, что новой рабоче-крестьянской власти не удастся провести в жизнь Декрет о мире, в частности, немедленно опубликовать тайные дипломатические документы. Немалую роль в осуществлении контрреволюционных замыслов сыграл бывший старший товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов. Он прекрасно знал о развернувшейся в столице активной антисоветской деятельности таких центров, как Петроградская городская дума и Комитет спасения родины и революции при ней, подпольный Малый комитет бывшего Временного правительства. Нератов хорошо знал о том, что в их распоряжении оказался громадный денежный фонд, образовавшийся из щедрых пожертвований русской и международной буржуазии («„Союз союзов“, не имевший раньше средств, — признавался печатный орган чиновников Петрограда журнал «Трибуна государственных служащих», — добыл миллионы для ведения забастовки»)». Нератов знал и о готовящемся вооруженном мятеже в столице и о начавшемся уже тогда походе на нее войск Керенского — Краснова. И не удивительно. Ведь вместе с другими «бывшими» товарищами министров, некоторыми уцелевшими от арестов мини-

⁵ «Искра», № 5, 5 ноября 1917 г.

⁶ «Трибуна государственных служащих», № 1, 5 января 1918 г., стлб. 6.

страми во главе с С. Н. Прокоповичем, а также освобожденными 27 октября из Петропавловской крепости министрами-социалистами А. М. Никитиным, К. А. Гвоздевым и С. Л. Масловым — он сам принимал участие в заседаниях нелегального «правительства», собиравшегося на Бассейной улице, в квартире товарища министра юстиции А. А. Демьянова. Вполне понятно поэтому, что Нератов, ожидавший неминуемого краха большевистской власти в ближайшие дни, счел за благо покинуть (как он полагал, конечно, на время) свою роскошную, почти из двух десятков комнат, казенную квартиру на набережной Мойки и скрыться, не оставив, естественно, своего нового адреса. Его примеру последовало еще несколько высокопоставленных чиновников бывшего министерства, и в том числе начальник первого политического отдела и одновременно канцелярии камергер и статский советник Б. А. Татищев, управляющий цифирным (шифровальным) отделением тайный советник барон К. Ф. Таубе, директор Государственного и Петроградского главных архивов МИД статский советник князь Н. В. Голицын. Как видим, «в бегах» были как раз те (и это не случайно), в чьем ведении и находились так необходимые Советской власти ключи и шифры от хранившихся в МИД секретных дипломатических документов. «Большевики, — злорадствовала в связи с этим меньшевистская «Рабочая газета», — с первого момента завоевания власти проявили особый интерес к тайным договорам. Их попытки получить их, однако, не увенчались успехом, да и вряд ли вообще увенчаются успехом. Товарищ министра иностранных дел Нератов, оказывается, скрылся из-под большевистского надзора, приняв предварительно меры к надежной охране договоров России с другими державами»⁷.

Заняться вплотную овладением бывшего МИД и поисками тайных дипломатических документов удалось лишь спустя некоторое время — после разгрома юнкерского мятежа и успешной ликвидации керенско-красновской авантюры. Радужные надежды господ нератовых на реставрацию старых порядков не оправдались. Окончательно покончить с саботажниками и принять в веде-

⁷ «Рабочая газета», № 203, 4 ноября 1917 г.

ние Советской власти бывшее министерство было поручено специальному комиссару, уполномоченному от имени Наркоминдела Ивану Абрамовичу Залкинду.

Он родился и вырос в Петербурге на Васильевском острове. Здесь окончил в 1903 г. гимназию и одновременно прошел в рабочих социал-демократических кружках начальный курс другой—марксистской—науки. Здесь же 18-летним юношей И. А. Залкинд стал профессиональным революционером. Трудным и вместе с тем удивительно ярким был жизненный путь Ивана Артамонова (под этим именем знала Залкинда царская охранка). Он вел нелегальную партийную работу в Нижнем Новгороде, Одессе, Баку и других городах страны, его хорошо знали рабочие Выборгской стороны, Московско-Нарвского и Василеостровского районов столицы. Он активно участвовал во многих революционных выступлениях (в том числе потемкинской эпопее и декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Петербурге), семнадцать раз подвергался арестам, находился в тюрьмах и ссылках. В 1908 г. Залкинду, совершившему побег после очередного ареста, пришлось эмигрировать за границу. Иван Абрамович побывал в Англии, Алжире, Испании и изучил несколько иностранных языков. Во Франции он окончил Сорбонну и получил степень доктора биологии.

После Февральской революции 1917 г. Залкинд возвратился в Питер и весь отдался работе в Петроградском и Василеостровском комитетах большевистской партии. Исторические дни Октябрьского вооруженного восстания он встретил одним из руководителей Василеостровской организации РСДРП(б) и революционного штаба этого района столицы. Именно тогда, в дни, потрясшие весь мир, всюду, где требовала партия и революция, встречал его замечательный американский публицист Джон Рид, написавший об этом в своей книге: «Красногвардеец с Васильевского острова очень подробно рассказал, как прошел великий день восстания в его районе. У нас не было ни одного пулемета,—говорил он, улыбаясь,—и из Смольного тоже никак не могли получить. Товарищ Залкинд, член районной управы, вспомнил, что у них в управе, в зале заседаний, стоит пулемет, отобранный у немцев. Мы с ним прихватили еще одного товарища и пошли туда. Там заседали меньшевики и эсеры. Ну, ладно, открыли мы дверь и пошли

**Иван Абрамович
ЗАЛКИНД**

прямо на них, а они сидят себе за столом, — их человек двенадцать-пятнадцать, а нас трое. Увидели они нас — сразу все замолчали, только смотрят. Мы прямо прошли через комнату и разобрали пулемет. Товарищ Залкинд взвалил на плечо одну часть, я другую, и пошли... И никто нам ни слова не сказал!»⁸ В тревожные дни наступления войск Керенского — Краснова на восставшую столицу Залкинд занимался не допускавшими малейшего промедления делами Василеостровской районной комендатуры, откуда один за другим отправлялись для отпора мятежникам красногвардейские отряды. Он и сам неоднократно выезжал на «красносельский фронт». Во время одной из таких поездок трехдюймовый вражеский снаряд попал в автомобиль, где Иван Абрамович находился вместе с секретарем Василеостровского районного комитета РСДРП (б) В. К. Слуцкой. «Железная Вера» была убита наповал, Залкинд чудом остался жив.

⁸ Д. Рид. 10 дней, которые потрясли мир, стр. 148.

Одним из ближайших помощников И. А. Залкинда по овладению бывшим МИД стал Евгений Дмитриевич Поливанов. Окончив в 1912 г. историко-филологический факультет Петербургского университета, Поливанов уехал в Японию, где по поручению Российской Академии наук занимался научными исследованиями в области лингвистики. Возвратившись в Петроград, он вел преподавательскую работу.

В 1917 г. приват-доцент Поливанов не остался в стороне от бурных событий. Он активно участвовал в деятельности Центрального Совета крестьянских депутатов, а незадолго до октябрьских событий начал сотрудничать в отделе печати Министерства иностранных дел как специалист по восточным языкам, выполнял поручения азиатского департамента МИД. Поливанов не был членом большевистской партии, но он принадлежал к числу тех представителей передовых кругов отечественной интеллигенции, которые решительно и бесповоротно встали на сторону восставшего народа⁹. Вскоре после Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в Смольный пришло письмо, в котором Поливанов предлагал свои услуги в качестве лица, ранее работавшего в бывшем МИД. Это письмо было передано И. А. Залкинду. Так произошла их встреча. И вот уже мчится по улицам Петрограда автомобиль...

«Я разыскал Поливанова,—вспоминал впоследствии Залкинд,—и вместе с ним начал объезд виднейших чиновников министерства по их квартирам, требуя от каждого из них, за их личной ответственностью, присутствия на другой день в здании министерства для решающих переговоров. Многих мы дома не застали, кое-кто сказался больным, а один, когда мы не поверили сообщению о серьезности его болезни и настояли на личном приеме, залез под одеяло, как был, в полном костюме и ботинках, в каком-то виде и принял наш визит»¹⁰.

⁹ Известный советский ученый-филолог, профессор Е. Д. Поливанов в конце 20-х годов являлся председателем лингвистической секции Института языка и литературы РАНИОН, сотрудничал в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве.

¹⁰ И. Залкинд. НКВД в семнадцатом году (из воспоминаний об Октябре).— «Международная жизнь», 1927, № 10, стр. 12—13. В дальнейшем воспоминания И. А. Залкинда цитируются по этому источнику.

Старший товарищ министра А. А. Нератов все еще продолжал оставаться «в бегах», и 3 ноября на утреннем заседании Петроградский Военно-революционный комитет принял решение арестовать его и предать революционному суду. Вслед за этим, по предложению Наркоминдела, Петроградский ВРК выдал специальный ордер за подписью М. С. Урицкого на арест Нератова. В нем говорилось: «... Бывшего товарища министра иностранных дел Нератова арестовать и доставить в Петроград для предания военно-революционному суду. Всем местным Советам, военно-революционным комитетам и всем пограничным органам вменяется в обязанность принять все меры к выполнению этого постановления»¹¹.

Решительные действия Советской власти не на шутку встревожили чиновников-саботажников и их покровителей. Всерьез забеспокоилось даже посольство Великобритании, поспешившее выступить с составленным «в самых энергичных выражениях» опровержением распространившихся в столице слухов о том, что Нератов хранит важнейшие дипломатические документы в помещении посольства. Со стороны Советской власти тотчас же последовало исчерпывающее объяснение в связи с заявлением, сделанным по этому вопросу на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов народным комиссаром иностранных дел: «Господин Нератов не только не появляется в министерстве для сдачи дел, но и выехал неизвестно куда, не оставив своего нового адреса на старой квартире... Сообщают с разных сторон, будто г. Нератов вынес из министерства секретные документы и сдал их на хранение в английское посольство. Проверить основательность этих сообщений... сейчас нет возможности. Но Военно-революционный комитет уже принял все необходимые меры к тому, чтобы разыскать г. Нератова и получить от него все документы, где бы они ни хранились»¹².

Наступило 4 ноября — день «решающих переговоров» служащих бывшего МИД с представителями Советской власти. Надежд на успешный исход этих переговоров было мало, не верилось даже, что чиновники соберутся. Поэтому Залкинд и Поливанов запаслись на

¹¹ «Петроградский военно-революционный комитет», т. 2, стр. 66.

¹² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 11, л. 7.

всякий случай ордерами Петроградского ВРК на арест явных саботажников, подписанными М. С. Урицким. Текст одного из таких ордеров, сохранившихся у Залкинда и приведенных в его воспоминаниях, гласил:

«Военно-революционный комитет,

Петроград, 4 ноября 1917 г.

при

Петрогр. Сов. Р. и С. Д.

№ 2500

Постановление

Военно-революционный комитет по предложению народного комиссара по иностранным делам постановляет:

бывшего

бывшего

бывшего

бывшего

арестовать и доставить в Петроград для предания Военно-революционному суду. Всем местным Советам, военно-революционным комитетам и всем пограничным органам власти вменяется в обязанность принять все меры к выполнению этого постановления.

За председателя: М. Урицкий».

К изумлению Залкинда и Поливанова, на сей раз здание на Дворцовой, 6, было освещено, а когда они по широкой мраморной лестнице, покрытой ковром, поднялись на верхний этаж, их глазам предстало зрелище, напоминавшее торжественный прием: чиновники и сановники в парадных мундирах, при орденах и прочих регалиях заполнили большой зал — пришли не только те, к кому они заезжали накануне, но и многие другие. «Поливанов представил меня, — вспоминал Залкинд, — товарищу министра Петряеву, а этот, в свою очередь назвал мне целый ряд заведующих и управляющих всякими департаментами и отделами. Я произнес коротенькую речь, указав, что явился от имени рабоче-крестьянского правительства с тем, чтобы окончательно выяснить отношение чинов министерства к их служебному долгу; упомянув о том, что время военное и что функции министерства принадлежат к разряду тех, кои не терпят, в интересах страны, ни одного момента перерыва». После этого выступления И. А. Залкинда несколько высших чиновников во главе с младшим товарищем министра А. М. Петряевым быстро посовещались, и последний от их имени заявил о неизменности в принципе их решения — «данному» правительству они служить не могут...

Правда, чиновники в лице Петряева великодушно выразили свое согласие «охранять» министерство и выполнять некоторые текущие дела — консульские, о восполненных, о переводах денег за границу.

Не оставалось сомнений, что речь идет лишь об усовершенствованной форме контрреволюционного саботажа. Между тем надо было во что бы то ни стало немедленно добиться каких-то реальных результатов. И посланцы Смольного решили пойти на хитрость. Поливанов, заметив в зале одного знакомого чиновника, «доверительно» поделился с ним своим удивлением в связи с весьма неразумным поведением его сослуживцев: разве они не знают, что здание министерства «окружено» красногвардейцами и матросами?.. А Залкинд, отвечая высшим чинам министерства во главе с Петряевым, решительно заявил:

«Сотрудничество служащих бывшего министерства будет принято Советской властью при том только условии, если они готовы тут же признать революционное правительство и немедленно указать расположение всех служебных помещений, а также назвать тех лиц, которые ответственны за сохранность архивов и шифров. В случае промедления или отказа удовлетворить эти требования, — многозначительно закончил Залкинд, — ответственность за все последствия будет возложена на господина Петряева и на тех двух лиц, которые стоят около него».

Тем временем то, что Поливанов «по секрету» сообщил своему знакомому, стало уже достоянием всех присутствующих. Распространившийся в зале слух о том, что в распоряжении «комиссаров Смольного» вблизи министерства находится готовая к действию вооруженная сила, а равно категорический тон и уверенное поведение Залкинда как нельзя лучше подействовали на дрогнувших чиновников. Это и принесло первый успех.

Растерянные и испуганные чиновники быстро представили в распоряжение Залкинда и Поливанова одного из «беглецов» — начальника канцелярии Б. А. Татищева, которому в сопровождении двух-трех служащих пришлось провести их по всем этажам министерства. Как живо описывал впоследствии Залкинд, он «послал одного из курьеров купить этикеток к ключам и к моменту его возвращения, успев обойти здание и ознаком-

миться с архивными комнатами и шифровальным отделением, взял у Татищева из рук все его четыре связки ключей, прикрепил к ним по свежей памяти этикетки и положил ключи к себе в карман. Дело было сделано: я знал, где что искать, а министерство оказалось на запоре от своих собственных чиновников».

«ОТНЫНЕ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ СТАНОВИТСЯ НАРОДНОЙ»

Очень скоро, однако, выяснилось, что, к сожалению, «дело» оказалось «сделанным» лишь наполовину. Ключей от находившихся в помещении архива знаменитых «бронированных комнат», где и хранились самые важные секретные дипломатические документы, по-прежнему не было: они оставались в руках продолжавшего скрываться старшего товарища министра иностранных дел Нератова. Чиновники же бывшего МИД, столкнувшись с твердой решимостью представителей Наркоминдела немедленно и действительно взять в свои руки дела, шифры и ключи министерства, тотчас же объявили в ответ полный бойкот новой власти. Угрозами и уговорами, обманом и клеветой—все средства были пущены в ход—саботажники добились и того, что даже те весьма немногочисленные служащие, которые доброжелательно отнеслись к предложениям представителей Советской власти выполнять свои обязанности, теперь заявили, что «из товарищеской солидарности они это сделать не могут»¹. Перестали работать все департаменты и отделы бывшего министерства, не велись даже неотложные дела. «Чиновники министерства иностранных дел,—отмечал Е. Д. Поливанов,—обрекли на голодную смерть наших военнопленных в Германии и Австрии, прекратив высылку им денег. Это называется на их языке забастовкой протеста против большевистской власти»².

¹ «Новая жизнь», № 176, 9 ноября 1917 г.

² «Правда», № 180, 4 ноября 1917 г.

Описывая происшедшее в стенах бывшего МИД в дни Великого Октября, Ю. Я. Соловьев, один из немногих старых дипломатов, признавших Советскую власть и не вступивших на путь саботажа, с полным основанием утверждал впоследствии: «Царское министерство иностранных дел и в довоенное время было оторвано от своей страны. Это же сказалось и в 1917 г.»³. Лишь младшие служащие и технический персонал (курьеры, упаковщики, сторожа, прислуга, рабочие типографии МИД) встали на сторону революции. Прослужившие много лет в бывшем МИД курьеры С. П. Денисов, Н. И. Иванов, Т. Ф. Киселев, П. Г. Махотин, Я. И. Устиленков, делопроизводители А. В. Здзеницкий и И. К. Лысенко, дворник А. К. Николаев, рабочие-печатники А. И. Иванов и Н. П. Немчинов и их товарищи сумели оказать помощь в ликвидации последствий антисоветского саботажа чиновничьих верхов, они явились и первыми незаменимыми «консультантами» по многим вопросам повседневной деятельности бывшего министерства и одними из первых наркоминдельцев, энергично выполнявшими все, что требовалось. Среди материалов, сохранившихся с тех памятных дней, имеется один небольшой документ, оставивший для истории скупые, но красноречивые сведения об одном из этих скромных тружеников. Вот его текст: «Пакет для посланника бельгийского получил. Швейцар Скоробогатов, 8-го ноября 1917 г. в 12 часов ночи, от Народных Комиссаров».

В этих условиях Центральный комитет РСДРП(б), Совет Народных Комиссаров и лично В. И. Ленин проявили исключительное внимание к налаживанию деятельности Наркоминдела. «Первый комиссариат, который мы здесь (в Смольном.— *Авт.*) организовали, был комиссариат по иностранным делам», — вспоминал впоследствии управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич⁴⁻⁵. Весь его аппарат тогда состоял всего из двух человек, расположившихся в одной из комнат третьего этажа Смольного, неподалеку от помещений Совнаркома и кабинета В. И. Ленина. Ленин стоял в центре всей работы, используя для этого партийный

³ Ю. Я. Соловьев. Воспоминания дипломата. М., 1959, стр. 361.

⁴⁻⁵ В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931, стр. 133.

аппарат, аппарат ВЦИК, ВРК и Совнаркома⁶. Один из первых советских дипломатов, Я. С. Ганецкий, писал: «С самого начала создания Наркоминдела Ленин до последних дней своей жизни непосредственно давал направление советской дипломатии... Ошибочным было бы предполагать, что председатель Совета Народных Комиссаров был в «привилегированном» положении, что он давал только направление делу, распоряжение, а исполнение возлагалось на других. Не было такой области работы, таких вопросов, которыми Ленину не приходилось бы лично заниматься»⁷.

Так, В. И. Ленин поручает комиссару пограничной охраны в Торнео Г. Тимофееву организовать службу курьеров Смольный — Торнео и осуществлять контроль за телеграфной и почтовой связью Смольного со Стокгольмом (через Торнео)⁸. Единственный наш посол В. В. Воровский, который, находясь в Стокгольме, «должен был информировать весь заграничный мир о революции в России», по свидетельству Я. С. Ганецкого, все время поддерживал постоянный контакт с Председателем Совета Народных Комиссаров, регулярно посылая донесения и обращаясь к нему почти по всем без исключения вопросам. По указаниям В. И. Ленина ответственные сотрудники аппарата СНК выполняли поручения Наркоминдела.

Секретарь Совета Народных Комиссаров Н. П. Горбунов поддерживал, в частности, связь с Петроградским ВРК, который в первые послеоктябрьские дни, когда народные комиссариаты еще только создавались, был главным оперативным органом СНК, в том числе и в области налаживания сношений с заграницей. Так, в письме от 7 ноября Горбунов от имени Комиссариата иностранных дел просил Военно-революционный комитет телеграфировать в Торнео о том, «что все лица, имеющие дипломатические паспорта, должны беспрепятственно пропускаться как в Россию, так и из России»⁹. В дни чинов-

⁶ См. Н. К. Крупская *Воспоминания о Ленине*. М., 1957, стр. 335, 336.

⁷ Я. Ганецкий Я. *Воспоминания о Ленине*. М., 1933, стр. 73.

⁸ См. «В. И. Ленин в первые месяцы Советской власти. Биографическая хроника». — «Вопросы истории КПСС», 1950, № 3, стр. 153.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 11, л. 13.

ничьего саботажа Горбунов помогал Наркоминделу и найти высококвалифицированных специалистов для перевода на различные языки первых советских декретов и дипломатических документов — писем и нот иностранным посольствам и представительствам.

Тесная связь Наркоминдела с В. И. Лениным и Совнаркомом, с Центральным комитетом РСДРП(б) и партийными организациями Петрограда имела большое, можно без преувеличения сказать, решающее значение для формирования нового состава сотрудников и прежде всего для привлечения рабочих ряда известных промышленных предприятий столицы: Трубочного, Военно-подковного и Путиловского заводов, Петроградской усиленной автомобильной мастерской, завода военных и морских приборов акционерного общества «Сименс и Шуккерт» (ныне «Электроаппарат»). Этот завод, находившийся на 24-й линии Васильевского острова, являлся одним из надежнейших бастионов революции, в его цехах хорошо знали В. К. Слуцкую и И. А. Залкина, и не удивительно поэтому, что Н. А. Антонов, Н. А. Андреев, И. Г. Беляев, М. И. Захаренко, В. И. Митюрин, И. П. Петров, К. М. Федоров и другие рабочие-большевики одними из первых пришли в опустевшее здание на Дворцовой площади, 6. «Когда после Октябрьской революции мы стали брать учреждения, — рассказывал впоследствии, в сентябре 1927 г., на вечере воспоминаний, рабочий завода «Электроаппарат», член РСДРП(б) с марта 1917 г. В. И. Митюрин, — то все участники взятия Комиссариата по иностранным делам были с нашего завода, и мы там несли караул... Мы шли на дежурство в Комиссариат по иностранным делам с работы. Но потом мы совсем снялись с завода и ушли в комиссариат»¹⁰.

Вместе с питерскими рабочими активное участие в борьбе с саботажниками приняли также направленные Петроградским ВРК и Военно-морским революционным комитетом солдаты Павловского полка и моряки-балтийцы, среди которых были И. П. Анохин и Н. Н. Новожилов из Главного морского штаба, И. Д. Лисовенко из Наркомата по морским делам, военно-морские логра-

¹⁰ ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 52, д. 37, л. 10.

нические комиссары Л. И. Грохотов и П. Н. Николаев. Во главе отряда революционных моряков пришел тогда в бывший МИД из Смольного и человек, чье имя стало впоследствии легендарным,—Николай Григорьевич Маркин.

В 1917 г. Николаю Маркину исполнилось 24 года, но к этому времени он прошел уже хорошую революционную школу. Сын крестьянина-бедняка Пензенской губернии, чтобы прокормить семью отправившийся искать заработок сначала на ткацкую фабрику, а затем в железнодорожные мастерские во Владикавказе, Н. Маркин с юношеских лет встал на путь революционной борьбы. Он знал, с кого брать пример: с зарубленного казаками во время демонстрации железнодорожных рабочих в 1906 г. отца, шедшего с красным знаменем во главе колонны, со старшего брата Виктора, еще в 1903 г. примкнувшего к большевикам. В 1910 г. 17-летний Николай был арестован за распространение и пропаганду нелегальной литературы. Но за восемь месяцев пребывания во Владикавказской тюрьме вместе с другими политзаключенными, среди которых находилось несколько опытных профессиональных революционеров, Николай Маркин лишь углубил свои познания в области марксизма. А выйдя на свободу и устроившись работать слесарем и электромонтером на одном из заводов Ростова-на-Дону, он еще более энергично продолжал выполнять различные задания местного комитета РСДРП(б).

Дальнейший жизненный и революционный путь Н. Г. Маркина оказался неразрывно связанным с Балтийским флотом. Будучи мобилизованным в 1914 г. в армию, он попадает сначала в класс электриков учебно-минного отряда 2-го Балтийского экипажа, затем служит в минной роте в Кронштадте. Всюду Маркин, вступивший в 1916 г. в ряды большевистской партии, ведет активную революционную работу среди матросской массы, становится одним из признанных вожakov моряков Кронштадта и всей Балтики. После Февральской революции матросы выбирают Маркина в Кронштадтский Совет. Он делегат I съезда военных моряков и член Центрофлота, делегат I Всероссийского съезда Советов и член большевистской фракции Центрального Исполнительного Комитета. Маркин деятельно участвует в изда-

Николай Григорьевич
МАРКИН

нии печатного органа Петросовета вечерней газеты «Рабочий и солдат».

В исторические дни Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде член Военно-революционного комитета Маркин во главе отряда моряков-балтийцев овладевает штабом военного округа и другими центральными учреждениями, непосредственно участвует в разгроме антисоветской авантюры юнкеров и казаков (именно его отряд освобождал особняк Кшесинской, захваченный контрреволюционерами). Затем он недолго — всего несколько дней — работает в солдатской секции и следственной комиссии Петроградского Совета, одновременно сотрудничает в газете «Рабочий и солдат». Но Николая Григорьевича уже ждет новое задание партии, ВЦИК и Совнаркома, В. И. Ленина...

Еще при распределении членов большевистской фракции ВЦИК по отделам он выразил желание участвовать в борьбе с контрреволюцией. И вот в его руках новый мандат: «Товарищу Маркину, секретарю народного комиссара иностранных дел, поручается прове-

дение необходимых действий для организации работы Народного комиссариата...»

И. А. Залкинд и Н. Г. Маркин, посланные революцией на одно задание, отдававшие его успешному выполнению все время и силы, сразу нашли общий язык и быстро подружились. Именно такими запомнил их Джон Рид, принимавший участие в первоначальной деятельности Наркоминдела. Вот сохранившаяся в записных книжках Джона Рида запись о посещении бывшего кабинета министра иностранных дел: «В кабинете сидит товарищ Залкинд, худощавый подвижный человек с лицом итальянца и беспорядочной седой шевелюрой. Он в стареньком полувоенном костюме, на ногах — сапоги. Он долго жил в эмиграции, у него несколько университетских дипломов, он свободно объясняется на четырех языках; беседуя с вами, улыбается и настроен весьма революционно. За столом, напротив, сидит товарищ Маркин, его помощник, молчаливый матрос с суровым взглядом... По стенам торчат крюки; на них висели портреты царских министров. По чьему-то недосмотру остался Горчаков, грудь у него в орденах, на шее крест с бриллиантами. Под Горчаковым висит простенькая репродукция с портрета Бебеля, а на стене напротив прибита открытка, с которой на нас взирает Карл Маркс. Над письменным столом Залкинда гравированное изображение Пекинского конгресса — собрания дипломатов со всех концов мира... Чья-то непочтительная рука начертала на раме „Шайка контрабандистов”»¹¹.

Этих людей объединяло, и весьма прочно, главное — преданность партии, социалистической революции. «И когда я, — вспоминал И. А. Залкинд, — после нескольких дней болезни, вызванной переутомлением, перебрался на житье в министерство, в бывший кабинет Петряева, то каждый вечер можно было быть уверенным встретить у меня т. Маркина, то разбирающего груды писем, пришедших с какой-либо запоздавшей вализой, то пробующего найденную им модель нового пулемета...» Последним Маркин занимался не случайно: именно на его долю выпало сыграть важную роль в осуществлении решительных революционных мер по окончательному пресечению действий саботажников.

¹¹ А. Старцев. Русские блокноты Джона Рида. М., 1968, стр. 183—184.

С возглавлявшей контрреволюционный саботаж реакционной чиновничьей верхушкой и с теми из служащих бывшего МИД, кто занял непримиримую антисоветскую позицию, пришлось «поступить, как с капиталистами, „по строгости“»¹².

После «овладения» бывшим Министерством иностранных дел 4 ноября в здании около Певческого моста на Дворцовой площади, 6, были установлены посты рабочих-красногвардейцев с завода военных и морских приборов акционерного общества «Сименс и Шуккерт» и моряков-балтийцев, а «при входе в знаменитые броиированные комнаты, содержавшие в пяти громадных негсгораемых шкафах систематически расположенные карты с копиями депеш, донесениями и секретными договорами», — по свидетельству Залкинда, встал караул солдат революционного Павловского полка.

7 ноября газета «День» поместила интервью своего корреспондента с И. А. Залкиндом. Последний оказал: «Сегодня мы фактически вступили в управление министерством, у меня в руках ключи от всех тайных договоров, заключенных Россией с империалистическими правительствами. Нам переданы также все ключи от шкафов, где находятся условные шифры, и, таким образом, мы теперь вправе сказать, что отныне внешняя политика России становится народной»¹³.

Это было действительно так. «Дом № 6 по Дворцовой площади, напротив Зимнего дворца,— записано в одном из блокнотов Джона Рида.— Когда вы входите, унаследованный от старого режима швейцар в синей ливрее с медными пуговицами и с красным воротником берет у вас пальто, шляпу и калоши; он делает это с той же почтительностью, что и прежде, когда раздевал принцев крови и иностранных послов. Сейчас посетители в большинстве простые рабочие и солдаты, которые именуют швейцара товарищ и чувствуют себя здесь очень уверенно»¹⁴.

По Народному комиссариату иностранных дел был издан приказ об увольнении чиновников, отказавшихся признать Советское правительство и продолжавших са-

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 308.

¹³ «День», № 201, 7 ноября 1917 г.

¹⁴ А. Старцев. Русские блокноты Джона Рида, стр. 182—183.

ботировать. «Служащие Министерства иностранных дел, которые не явятся на работу до утра 13 ноября,—говорилось в приказе,—будут считаться уволенными с лишением права на государственную пенсию и всех преимуществ военной службы»¹⁵.

14 ноября, как сообщал «День», вышли на работу лишь пять служащих департамента личного состава и хозяйственных дел, в том числе бывший исполняющий обязанности директора этого департамента А. И. Доливо-Добровольский, который вскоре стал одним из руководителей правового отдела комиссариата. Выступив с обращением, опубликованным на страницах «Правды» и журнала «Трибуна государственных служащих», Доливо-Добровольский призвал чиновников бывшего МИД прекратить саботаж. «Нам было предоставлено время, много дней,—заявил он,—чтобы заметить, что перед нами не кондотьеры..., но фактическая власть большой народной партии»¹⁶. В ответ контрреволюционная пресса, комитет чиновников-саботажников бывшего Министерства иностранных дел, а также издававшаяся в Петрограде на французском и русском языках газета «Антант» — официоз союзных посольств в России — объявили Доливо-Добровольского «штрейкбрехером и душевнобольным»¹⁷.

Примерно через две недели, 2 декабря, «День» с нескрываемым негодованием сообщил о появлении нового «штрейкбрехера» — чиновника IV политического отдела бывшего министерства Ф. Н. Петрова (впоследствии он заведовал отделом личного состава Наркоминдела)¹⁸. Но таких были единицы.

14 ноября Военно-революционный комитет, выполняя предписание Совета Народных Комиссаров о необходимости принятия решительных мер к искоренению спекуляции и саботажа, на своем утреннем заседании рассмотрел вопрос о стачечном комитете, руководившем действиями чиновников бывшего МИД. В протоколе этого заседания записано: «...Слушали: Заявление о ста-

¹⁵ «Правда», № 185, 10 ноября 1917 г.

¹⁶ «Трибуна государственных служащих», № 21, 25 ноября 1917 г., стлб. 11.

¹⁷ См., например: «Антант», № 7/155, 17 ноября 1917 г.; «День», № 209, 16 ноября 1917 г.

¹⁸ См. «День», № 208 и 211, 15 ноября и 2 декабря 1917 г.

чечном комитете чинов Министерства иностранных дел. Во главе стоит группа. Постановили: Арестовать»¹⁹.

15 ноября газета «Новая жизнь» сообщила о «расправе с чиновниками» — о том, что за неподчинение Совету Народных Комиссаров были уволены без права на пенсию 30 старших служащих бывшего министерства. «Покинул казенную квартиру директор канцелярии министра Б. А. Татищев, — сокрушенно констатировал в связи с этим «День». — Укладывает свои вещи товарищ министра А. М. Петряев»²⁰.

В это же время Военно-революционный комитет принимает постановление об аресте и предании суду тех чиновников бывшего МИД, которые до сих пор не сдали новой власти служебных документов. В постановлении (на одном из сохранившихся в архиве ВРК бланков рукой М. С. Урицкого сделана красноречивая пометка: «Исполнено. Урицкий») говорилось:

«Ввиду того, что старшие чины Министерства иностранных дел не сдали документов и текущих дел народному комиссару по иностранным делам и скрылись не только из министерства, но и из своих квартир, не заявив о месте своего пребывания; ввиду того что имеются данные опасаться, что эти чины похитили из здания министерства важнейшие государственные бумаги в целях их сокрытия, Военно-революционный комитет по предложению народного комиссара по иностранным делам постановляет:

бывшего
бывшего
бывшего
бывшего

арестовать и доставить в Петроград для предания Военно-революционному суду.

Всем местным Советам, военно-революционным комитетам и всем пограничным органам власти вменяется в обязанность принять все меры к выполнению этого постановления»²¹.

При содействии Военно-революционного комитета в ноябрьские дни 1917 г. у бывших руководителей министерства иностранных дел, начальников его отделов и департаментов были изъяты все необходимое делопроизводство, ключи от всех комнат и шкафов. Те из высших чиновников и их сообщников, кто открыто выступил против Советской власти и отказался передать ее представи-

¹⁹ «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 2, стр. 500.

²⁰ «День», № 203, 9 ноября 1917 г.

²¹ «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 2, стр. 501—502.

телям дела и ключи, были на некоторое время арестованы. Именно таким образом Н. Г. Маркин поступил, например, с родственником известного нам уже бывшего тайного советника и управляющего шифровальным отделением МИД барона К. Ф. Таубе — чиновником первого департамента того же министерства бароном В. В. Таубе, которому пришлось в Следственной комиссии Петроградского Совета письменно заявить, что он возвратил все служебные документы, находившиеся у него на квартире²².

Незадолго до этого с помощью комиссаров Петроградского ВРК был наконец-то обнаружен и доставлен на Дворцовую площадь, 6, и бывший старший товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов. Уже находясь в здании МИД, арестованный Нератов все еще пытался сопротивляться и, как передавали корреспонденты некоторых буржуазных газет, «посоветовавшись с высшими чинами министерства, предполагал отказать» новым руководителям внешней политики России в выполнении их требования немедленно передать ключи от секретного дипломатического архива. Но когда в здании министерства появились вызванные с ближайших заводов для вскрытия бронированных дверей архива слесари и механики, бывшему старшему товарищу министра стало ясно: дальнейшее сопротивление бессмысленно...

МИР НАРОДАМ!

«На балконе Министерства иностранных дел, — писал о Наркоминделе корреспондент английской газеты «Манчестер Гардиан» Морган Фнлипп Прайс, — змний ветер развевал большой красный флаг. Надпись на нем гласила: «Да здравствует мир!». Вся атмосфера, царившая там, наверху, создавала впечатление, что русские революционеры начали серьезную борьбу за мир»¹. Действи-

²² ЦГАОР СССР, ф. 336, оп. 1, ед. хр. 315, л. 5.

¹ «Новый мир», 1955, № 11, стр. 152—153. — В дальнейшем, с начала августа 1918 г., М. Прайс стал сотрудничать в Наркоминделе.

тельно, Советское правительство продолжало настойчивую пропаганду ленинской мирной программы, изложенной в Декрете о мире, текст которого помимо опубликования в газетах был неоднократно передан в эфир радиостанцией крейсера «Аврора» и находившейся в Петрограде радиостанцией «Новая Голландия».

В эти дни западные политические круги еще мало верили в серьезность большевистских экспериментов.

Однако вопреки прогнозам и предсказаниям зарубежных дипломатов Советская республика приступила к реализации своей внешнеполитической программы. 8 ноября Наркоминдел направил послам и посланникам США, Англии, Франции, Италии, Сербии и Бельгии официальные ноты, в которых просил рассматривать Декрет о мире как формальное предложение перемирия на всех фронтах и открытия мирных переговоров².

В 6 часов вечера 8 ноября в особняке, принадлежавшем английскому посольству, собрались встревоженные дипломаты стран Антанты. Фрэнсис, Бюкенен, Нуланс, начальники и члены военных миссий, различные советники и журналисты обсудили сложившееся положение и приняли решение: Советскую власть не признавать и ни в какие отношения с ней не вступать.

Через два дня Наркоминдел обратился с нотами к нейтральным странам: Швейцарии, Норвегии, Нидерландам, Испании, Дании, Швеции, прося их содействовать тому, чтобы довести мирные предложения Советского правительства до общественного мнения нейтральных стран³.

Посланники Норвегии, Швейцарии и Швеции, а затем и Дании, подтвердив получение обращения, сообщили, что ими предприняты «соответствующие шаги». Еще более активно и дружелюбно среагировал испанский посол Гаридо Циснерос, который заявил в ответном письме, что он тотчас же телеграфирует содержание полученной ноты в Мадрид, чтобы «способствовать заключению мира, которого так жаждет все человечество». Однако испанское правительство не только не одобрило действия своего посла, но, наоборот, за прием обращения Советской власти отозвало его из России. Как

² См. «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 17.

³ См. там же, стр. 22—23.

вспоминал И. А. Залкинд, именно тогда в Наркоминделе произошел довольно курьезный случай, связанный с процессуальным визитом секретаря испанского посольства. «Этот господин, — рассказывал Залкинд, — старательно пытался доказать мне, что наше правительство должно, как в порядочных домах водится, наградить уезжающего дипломата орденом. Ордеинов у нас было предостаточно, ибо изрядное количество их мы нашли в столах старых чиновников, и я очень сконфузил бедного секретаря, выложив перед ним целую охапку, с предложением выбирать любой по его вкусу...»

Бурный ноябрь 1917 г. проходил в бесконечных дипломатических встречах, совещаниях и переговорах. Почти ежедневно Бьюкенен и Фрэнсис в Петрограде устраивали чаепития и усиленно обсуждали вопрос, что делать с большевиками.

9 ноября поздно вечером послы собрались в помещении английского посольства и вновь подтвердили свое прежнее решение — Советское правительство ни в коем случае не признавать и на его мирные предложения ответа не давать. А вся союзная машина в России уже работала на полный ход. Но управляли ею из Лондона, Вашингтона и Парижа. Дипломаты и военные представители налаживали связи с деятелями контрреволюции, помогая организовывать антисоветские силы. Они выезжали на Дон и Северный Кавказ, к Каледину и прочим контрреволюционным генералам, они стали подумывать о Сибири, о севере и юге России. Их внимание привлекли Украинская Рада и закавказские правительства.

В этот период генерал Духонин уведомил союзных дипломатов в Петрограде о том, что дело следует иметь только с ним. Эсеровские лидеры Чайковский и Скобелев посетили американского посла Фрэнсиса, заверили его в своей лояльности и просили помощи и поддержки Духонину.

Главы английской, французской и американской военных миссий вручили Духонину официальный протест своих стран против каких-либо мирных переговоров.

Расчет стран Антанты был прост: любыми способами помешать открытию мирных переговоров Советской страны с германо-австрийским блоком и в короткие сроки опрокинуть Советскую власть.

В Могилев к Духонину потянулись все враги Совет-

ской республики — генералитет и офицерство, свергнутые министры Временного правительства, лидеры эсеров и меньшевиков, представители стран Антанты, начальники и члены военных миссий, корреспонденты, разного рода наблюдатели и т. п. Ставка генерала Духонина превратилась в активный и опасный очаг контрреволюции, стоявший на пути реализации и внутренних и внешнеполитических задач Советской власти.

Создавшаяся обстановка требовала принятия срочных мер. В ночь с 8 на 9 ноября радиостанция «Новая Голландия» от имени Совнаркома передала специальное правительственное предписание генералу Духонину. «Сейчас, когда Советская власть утвердилась во всех важнейших пунктах страны, — говорилось в предписании, — Совет Народных Комиссаров считает необходимым безотлагательно сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях». Духонину давалось указание немедленно обратиться с предложением о перемирии к германо-австрийским войскам.

Во время состоявшихся в ту же ночь переговоров с Духониным по прямому проводу В. И. Ленин потребовал сообщить, как выполняется предписание Совнаркома. Духонин ответил, что он не признает Советское правительство. В ответ В. И. Ленин заявил о смещении Духонина с поста главнокомандующего. На его место был назначен видный большевик, 32-летний прапорщик Н. В. Крыленко.

Совнарком через головы командного состава армии и флота обратился прямо к солдатам и матросам, ко всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам: «Солдаты! Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок.

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. Солдаты! Дело мира в ваших руках! Бдительность, выдержка, энергия — и дело мира победит!»⁴

⁴ «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 20.

Представители Англии, США и Франции прилагали все усилия, чтобы спасти Ставку. Но призыв Совнаркома оказал решающее влияние на ход событий.

На всех фронтах начались переговоры революционных комитетов армии с германо-австрийскими войсками о заключении перемирия. Это были так называемые солдатские миры. Подписывались они в масштабе полков и дивизий, затем корпусов и армий и, наконец, фронтов. 27 ноября было заключено перемирие на Северном фронте, 1 декабря — на Юго-Западном, 4 декабря — на Румынском и Западном. Условия солдатских миров, как правило, предусматривали прекращение военных действий, создание нейтральной зоны между войсками, определяли порядок прохождения через эту зону. В договоры о перемирии включались также пункты о запрещении перебросок германских войск с востока на запад. Невиданным в прежней практике солдатские миры послужили важнейшим шагом на пути к перемирию и миру.

Видный деятель большевистской партии и Советского государства Н. И. Подвойский, бывший в то время народным комиссаром по военным делам, писал в своих воспоминаниях: «Самым поразительным в этом неслыханном в истории войн опыте непосредственной борьбы масс за мир было то, что переговоры привели к требуемым результатам»⁵.

В своем выступлении на собрании фронтовых представителей новый главнокомандующий Н. В. Крыленко сказал, что радиogramма Советского правительства к армии и флоту по вопросу о мире от 9 ноября означала «фактическое прекращение военных действий». «Правда» подчеркивала: «Нет больше выстрелов между Черным и Балтийским морями... Мир будет заключен солдатами, даже если не захотят генералы»⁶.

В эти же дни Н. В. Крыленко с отрядом балтийских моряков и солдат Петроградского гарнизона выехал в Ставку. Из Петрограда в Военно-революционный комитет Западного фронта был послан большевик М. К. Тер-Арутюнянц. В ВРК Западного фронта разработали специальный план взятия Ставки. В Ставку направлялись

⁵ «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 159.

⁶ «Правда», вечерний выпуск, № 20, 24 ноября 1917 г.

два отряда — Северный под командованием Р. И. Берзина и Южный — во главе с членом ВРК 2-й армии Е. И. Лысяковым.

Для того чтобы помешать Духонину опереться на войска, расположенные вокруг Ставки, в части были посланы опытные пропагандисты большевистской партии — хорошо известные в армии работники большевистских военных организаций. К тому же в дело вмешались большевики в самом Могилеве. 18 ноября они создали Военно-революционный комитет, который взял власть в свои руки. А на следующий день в город вступил петроградский отряд во главе с Н. В. Крыленко. Контрреволюционная Ставка была ликвидирована, а сам Духонин убит солдатами и матросами.

В это время Советская республика получила от правительства и военного командования Германии и ее союзников согласие на проведение переговоров о перемирии.

20 ноября в Брест-Литовск в штаб германского Восточного фронта прибыла советская делегация. Вместе с дипломатами в Брест приехали делегаты от всех слоев трудящихся России — рабочий Н. А. Обухов, крестьянин Р. Н. Сташков, матрос Ф. В. Олич и солдат Н. К. Беляков.

Переговоры проходили в трудной обстановке. Германская делегация первоначально не хотела принимать советские условия, но в итоге был подписан договор о перемирии между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой. В соответствии с договором перемирие устанавливалось на 28 дней с последующим продлением срока, если одна из сторон не откажется от него с предупреждением за 7 дней.

Особенно большие споры вызвал вопрос о переброске немецких войск с Восточного фронта на Западный. Советская делегация категорически возражала против этого, настаивая на включении в договор соответствующего пункта. Правительство Республики Советов стремилось не допустить усиления германских позиций на западе, обеспечить действительное перемирие для братяющихся солдат, а не подготовить для них перемещение на другую войну.

И несмотря на активное противодействие немецких делегатов, советские представители добились включения

в договор пункта, который гласил: «Договаривающиеся стороны обязуются до 14 января 1918 г. не производить никаких оперативных воинских перебросок с фронта между Балтийским и Черным морями, за исключением тех, которые к моменту подписания настоящего договора были уже начаты»⁷.

Итак, смолкли пушки и пулеметы. Миллионы русских солдат получили возможность вернуться домой и принять участие в предстоявших преобразованиях в стране. Перемирие на русско-германском фронте имело большой международный резонанс. Пример России был очень заразителен и привлекателен. Именно поэтому в конце 1917—начале 1918 г. в большинстве европейских стран резко усилились антивоенные настроения. Волна стачек, забастовок и демонстраций прокатилась по Германии, Франции, Англии и Австро-Венгрии.

В последние дни ноября 1917 г. Советское правительство вновь попыталось привлечь к переговорам и страны Антанты. 28 ноября Совнарком обратился с призывом к правительствам и народам всех воюющих стран.

Но правительства Англии, Франции и США хранили молчание. Они проводили многочисленные консультации, вырабатывая общую линию в отношении крепнущего большевистского режима.

24 ноября государственный секретарь США Р. Лансинг направил письма американским союзникам, предлагая созвать специальную конференцию для обсуждения сложившейся в России ситуации.

В Париже собрались представители Англии и Франции, доверенное лицо американского президента полковник Э. Хауз, несколько бывших дипломатов Временного правительства, отстраненных Советской властью и, следовательно, никого уже не представлявших. Участники парижской встречи подтвердили свое намерение Советскую власть не признавать и ее мирные обращения игнорировать.

Последовали и новые заявления министров иностранных дел стран Антанты. Британский министр А. Бальфур сказал, что английское правительство будет поддерживать казаков, украинцев и другие силы, находящиеся в оппозиции к Ленину и его программе переговоров с

⁷ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 47.

Германией⁸. Глава дипломатического ведомства Франции Д. Пишон ясно и четко объяснил в Палате депутатов, что Франция собирается контактировать со всеми здоровыми элементами в России, с теми, у кого остаются чувства независимости и лояльности, инстинкт необходимости порядка и свободы⁹. Государственный секретарь США Р. Лансинг также призвал поддерживать любое движение, направленное против большевиков¹⁰.

Наконец, 22—23 декабря представители стран Антанты собрались в Париже на новую конференцию. Из Лондона приехали заместитель министра иностранных дел лорд Р. Сесиль и военный министр лорд А. Мильнер. США снова представлял полковник Хауз. В качестве гостеприимных хозяев выступали премьер-министр «железный тигр» Ж. Клемансо и министр иностранных дел Пишон.

К моменту открытия конференции союзные дипломатические ведомства имели широкую информацию о положении в России. Они приняли уже решение оказать финансовую помощь контрреволюционным силам. Завершались переговоры о предоставлении сотен тысяч долларов генералу Каледину. Значительные суммы выделялись Украинской Раде и закавказским антибольшевистским силам.

Конференция в Париже занималась оформлением намеченных мер и распределением обязанностей между союзниками. Они готовились к организованной и длительной борьбе против Советской власти.

В первый день работы конференции ее участники приняли специальный меморандум об оказании помощи всем силам, борющимся против большевиков. Здесь были названы и Кавказ, и Сибирь, и Финляндия, и Украина, и Дон.

На следующий день английские и французские представители подписали специальное соглашение о распределении сфер влияния в России. Англичане брали под надзор Кавказ, Армению, Грузию, район Дона; французам выделялись Бессарабия, Крым и Украина.

⁸ См. «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States», vol. I. W., 1931, p. 299.

⁹ См. R. W a r t h. The Allies and the Russian Revolution. Durham, 1954, p. 209.

¹⁰ См. «Papers Relating to the Foreign Relations... The Lansing Papers», vol. II, p. 345.

Одновременно США, Англия и Франция договорились о том, чтобы сферами влияния США и Японии стали российский Дальний Восток и Сибирь.

Таким образом, в конце декабря 1917 г. страны Антанты и США окончательно определили свой политический курс в отношении Республики Советов: не признавать Советскую власть, полностью отвергнуть советскую мирную политику и начать активную подготовку к объединению всех антибольшевистских сил.

В создавшейся обстановке интересы революции настоятельно требовали скорейшей реализации советской мирной программы, в том числе опубликования тайных договоров, заключенных царским и Временным правительствами.

Необходимо было показать трудящимся России и всех стран подлинные цели политики буржуазии, направленной на захват чужих территорий и получение новых прибылей.

Буржуазная и «социалистическая» печать пыталась успокоить на этот счет своих встревоженных читателей: «Обширное помещение Министерства иностранных дел имеет уныло пустынный вид... Лишь в приемных, на диванах—по несколько человек красногвардейцев, раскуривающих папиросы...»¹¹ «В Министерстве иностранных дел никто сейчас не работает. Редко-редко забредет чиновник по своему делу или случайный прохожий...»¹² Подобные сообщения, изо дня в день появлявшиеся на страницах газет, давали вполне определенно понять: в конце концов якобы ничего особо страшного не произошло. Большевики де по-прежнему одиноки, и они просто напросто не сумеют использовать должным образом материалы секретного дипломатического архива. Выражая эти общие надежды буржуазии и соглашателей, тот же «День», в частности, писал: «Для того чтобы расшифровать весь министерский архив, по мнению сведущих лиц, необходимо минимум полгода». «Официальные круги Министерства иностранных дел (для этой газеты ими по-прежнему оставались высшие чиновники-саботажники.—*Авт.*) сомневаются,—утверждал далее «День»,—чтобы большевики смогли бы в короткий срок исследо-

¹¹ «Новая жизнь». № 176, 9 ноября 1917 г.

¹² «Время», № 1081, 13 ноября 1917 г.

вать всю тайную дипломатию, которая хранится в архивах министерства»¹³. Однако события развернулись вовсе не так, как этого хотелось публицистам-оптимистам «Дня»...

«НЕТ НИЧЕГО ТАЙНОГО, ЧТО НЕ СТАЛО БЫ ЯВНЫМ»

Разбор, перевод и расшифровка секретных документов начались сразу же после того, как удалось добиться прямого доступа к шкафам и сейфам дипломатического архива МИД. Представилась возможность впервые заглянуть за кулисы, где готовилась первая мировая война. Эта напряженная работа осуществлялась в полном соответствии с определенными инструкциями из Смольного под непосредственным руководством и при активном участии И. А. Залкинда, Н. Г. Маркина и Е. Д. Поливанова. Им помогали присланные по указанию Военно-морского революционного комитета опытные шифровальщики из Главного морского штаба. Во главе цифирного (шифровального) отдела по рекомендации Поливанова был поставлен знаток военной шифровки В. П. Леман.

Залкинд в своих воспоминаниях приводит один из инструктивных документов, присланных ему из Смольного от Народного комиссариата по иностранным делам. Помимо сообщения о посылке в Наркоминдел специального отряда революционных войск для несения караульной службы, в этом письме, датированном 7 ноября, говорилось: «Непременно достаньте еще одного или двух работающих на машинке (два таких товарища, присланные из Смольного, к этому времени уже находились на Дворцовой, 6.— *Авт.*), переведите и перепишите как можно большее количество интересующих нас документов и отложите все оригиналы отдельно, их придется хранить особо. Точно сверяйте копии, снимаемые переписчиками (точность дат, имен и пр.), скрепляйте их подписями и печатью.

¹³ «День», № 205, 11 ноября 1917 г.

Оригиналы отберите с таким расчетом, чтоб их можно было спрятать в надежном месте (у чиновников могут быть дубликаты ключей)».

В Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС хранятся воспоминания Поливанова о том, как приступали к опубликованию тайных договоров. Живой и яркий рассказ очевидца и участника одной из первых важнейших внешнеполитических акций Советского правительства, направленных на реализацию ленинского Декрета о мире, несмотря на некоторые неточности, представляет, как нам кажется, несомненный интерес. Поэтому мы позволим себе привести обширную выдержку из него. Отвлекаясь от «длительной и безынтересной» процедуры приемки руководством Наркоминдела кассы, ключей и прочего инвентаря МИД у бывших его чиновников, Поливанов, получив задание постараться найти что-нибудь, что можно было бы завтра же опубликовать в газетах, зашел в «секретную комнату». Там находился, пишет он, вделанный в стену громадный шкаф с очень хорошим затвором, на шести толстых стальных брусках, двигавшихся одновременно при простом повороте ключа. Он предназначался для хранения особо важных и секретных документов. Совершенно один в комнате Поливанов открыл шкаф, и сначала ему показалось безнадежным найти скоро требуемые бумаги: на нескольких полках стояли ряды больших картонных папок; на некоторых из них были наклейки, притом наклейки, указывавшие содержание, решительно не позволявшие ожидать здесь находки тайных договоров. Однако, точно следуя какому-то наитию, он вынул с верхней полки первую слева папку — и через минуту знал, что имел «в руках все самое нужное, чего хватит, по крайней мере, на первые дни опубликования в газетах...

Это не были самые тексты договоров, — продолжал далее Е. Д. Поливанов, — но это было нечто более нужное для нас в тот момент: здесь находился экстракт из всех договоров и обязательств, которые были заключены между Россией и союзниками в период 1914—1917 гг.

Дело в том, что Терещенко вступил в управление Министерством иностранных дел, будучи, по-видимому, совершенно не знаком с предшествующей работой министерства; содержание самих секретных договоров к то-

му же и не могло быть ему знакомо до его назначения. И вот папка, которую я выбрал, оказалось, содержала этот сжатый, но весьма обстоятельный очерк наших взаимоотношений с союзниками, очерк, заключавший в себе ряд подлинных цитат из самих договоров, относившихся к наиважнейшим их пунктам, а некоторые из соглашений приводились даже целиком. Составлено было это извлечение непосредственно для личного употребления министра (Терещенко) и, помимо простой сводки документального материала, содержало также известные комментарии к нему. Например, по поводу обещаний, данных Румынии за ее выступление, цинично добавлялось, что эти обещания явно преувеличены и сдержать их на самом деле ни русское правительство, ни союзники не имеют в виду. Словом — это было как раз то, что было нам нужно.

Решено было, что я выберу тотчас же все, что можно немедленно отправить в газеты,—и я снова был в «секретной комнате», откуда вышел лишь в 2 часа ночи. По телефону был вызван из Смольного партийный товарищ—машинист, которому я до ночи диктовал один документ за другим, диктовал и переводил тут же с французского подлинника. На следующий день газеты брались нарасхват. Это был первый день опубликования «тайных договоров», а сенсационное опубликование это продолжалось в течение нескольких недель, встречаемое ежедневно с неослабевающим интересом и напряжением, жадным любопытством масс, с отвращением узнававших так дорого обошедшиеся народам России тайны царской дипломатии»¹.

Е. Д. Поливанов не называет дату обнаружения тайных документов в бывшем МИД, но говорит, что это произошло накануне появления первых публикаций их текстов в газетах, т. е. 9 ноября 1917 г. Однако здесь, вне всякого сомнения, налицо «ошибка памяти» мемуариста, как в подобных случаях говорят историки-источниковеды.

Разбор, перевод и расшифровка секретных материалов из дипломатического архива бывшего МИД, в чем, действительно, принимал участие Поливанов, были начаты не 9 ноября, а раньше, во всяком случае, не позднее 6 ноября. Об этом свидетельствуют как помещенные

¹ «Археографический ежегодник за 1963 год». М., 1964, стр. 201—202.

в газетах того времени интервью, взятые у Залкинда и самого Поливанова (как сообщала, например, 9 ноября «Новая жизнь», Поливанов отметил, в частности: «...Дело разбора и систематизации документов... идет вперед. Все шифры в наших руках»²), и воспоминания Залкинда, так и сохранившаяся в материалах ЦПА ИМЛ записка-автограф Залкинда от 6 ноября 1917 г., адресованная народному комиссару по иностранным делам, когда в Смольный были направлены, по-видимому, первые тексты обнаруженных и переведенных тайных дипломатических документов.

«При сем прилагаются, — писал Залкинд, —

А. 3 копии тайного договора о Константинополе;

В. 3 копии тайного договора об Эльзасе (перевод);

С. 11 копий с различных телеграмм из Берна и Стокгольма, показавшихся мне по той или иной причине интересными»³.

Итак, 10 ноября были обнародованы первые документы из секретных материалов архива бывшего Министерства иностранных дел. На страницах «Известий» они сопровождались вступительной статьей от Народного комиссариата по иностранным делам. «Приступая к опубликованию секретных дипломатических документов из области внешней политики царизма и буржуазных коалиционных правительств, мы выполняем то обязательство, которое приняли на себя, когда наша партия находилась в оппозиции...», — говорилось в заявлении Наркоминдела. — «Русский народ и с ним вместе народы Европы и всего мира должны узнать документальную правду о тех планах, которые втайне ковали финансисты и промышленники совместно со своими парламентскими и дипломатическими агентами... Упразднение тайной дипломатии есть первейшее условие честности народной, действительно демократической внешней политики. Проводить такую политику на деле ставит своей задачей Советская власть»⁴. Подчеркивая исключительное значение этого важного шага новой, рабоче-крестьянской власти, «Правда» писала: «Ныне русская революция раскрывает и обнажает тайны капиталистической дипломатии... Солдаты России, Англии и Франции узнают, за

² См. «Новая жизнь», № 176, 9 ноября 1917 г.

³ «Археографический ежегодник за 1963 год», стр. 203.

⁴ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 21.

А ты бы не хуже выслушала, что тебе дали разрешения и т. д. Это ты, как писательница, не должна так ухаживать за своими героями. Ты должна была выслушать их, ты должна была сказать им, что ты слышишь и что ты понимаешь. Ты должна была сказать им, что ты слышишь и что ты понимаешь. Ты должна была сказать им, что ты слышишь и что ты понимаешь.

Выслушав же этот балет, я думаю, что ты не хуже выслушала, что тебе дали разрешения и т. д. Это ты, как писательница, не должна так ухаживать за своими героями. Ты должна была выслушать их, ты должна была сказать им, что ты слышишь и что ты понимаешь. Ты должна была сказать им, что ты слышишь и что ты понимаешь.

Выслушав же этот балет, я думаю, что ты не хуже выслушала, что тебе дали разрешения и т. д. Это ты, как писательница, не должна так ухаживать за своими героями. Ты должна была выслушать их, ты должна была сказать им, что ты слышишь и что ты понимаешь. Ты должна была сказать им, что ты слышишь и что ты понимаешь.

Выслушав же этот балет, я думаю, что ты не хуже выслушала, что тебе дали разрешения и т. д. Это ты, как писательница, не должна так ухаживать за своими героями. Ты должна была выслушать их, ты должна была сказать им, что ты слышишь и что ты понимаешь. Ты должна была сказать им, что ты слышишь и что ты понимаешь.

Тайна дипломатин и тайные договоры.

Политики из официального советского дипломатического аппарата, по мнению многих писателей, являются в первую очередь людьми, умеющими молчать. Это объясняется, конечно, тем, что молчание — это залог успеха. Молчание — это залог успеха. Молчание — это залог успеха.

Работа в дипломатии требует от человека особого склада ума. Это не только умение молчать, но и умение говорить. Это не только умение молчать, но и умение говорить. Это не только умение молчать, но и умение говорить.

Работа в дипломатии требует от человека особого склада ума. Это не только умение молчать, но и умение говорить. Это не только умение молчать, но и умение говорить. Это не только умение молчать, но и умение говорить.

Работа в дипломатии требует от человека особого склада ума. Это не только умение молчать, но и умение говорить. Это не только умение молчать, но и умение говорить. Это не только умение молчать, но и умение говорить.

Одна из страниц газеты «Известия», опубликовавшей секретные дипломатические документы

что они проливали свою кровь.. Опубликование тайных договоров нанесет удар всей международной буржуазии»⁵.

Официальные советские издания «Известия» и «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства» (далее «Газета») напечатали по 18, а кроме того, «Правда» — 6 тайных дипломатических документов⁶.

⁵ «Правда», № 185, 10 ноября 1917 г.

⁶ Публикации в «Известиях» и «Газете» имели, несомненно, один общий источник — в абсолютно одинаковой последовательности были помещены один и те же материалы. Это были соглашения Великобритании, Франции и России 1916 г. о Константинополе и проливах (справка), целый ряд секретных телеграмм, адресованных дипломатическим представителям России в Париже, Лондоне, Риме, Вашингтоне, Токио и Стокгольме, секретная телеграмма за № 629 от 15/28 октября 1917 г. «...о взаимоотношениях союзных держав, Керенского и их агента — Брантинга», подписанная посланником России в Стокгольме К. Н. Гулькевичем.

В печатном органе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов газете «Рабочий и солдат» 10 ноября был приведен текст одного тайного документа — секретной телеграммы за № 815 от 14/27 октября 1917 г. поверенного в делах России в Берне К. М. Ону.

Будучи вечерней газетой, «Рабочий и солдат» смог в тот же день откликнуться на это событие. В специальной заметке говорилось: «Сегодня в «Известиях С.Р. и С. Д.» опубликована уже часть тайных договоров и взаимных сношений правительств союзных стран... Печатаемая тайные договоры, Рабочее и Крестьянское правительство тем самым решительно порывает с тайной дипломатией и вступает на путь открытой, истинно демократической политики»⁷.

Мгновенная реакция буржуазной и правосоциалистической прессы и стоявших за ее спиной контрреволюционных сил была весьма своеобразной. Поставленные перед свершившимся фактом и вынужденные с этим смириться борзописцы буржуазных и соглашательских газет сделали вдруг крутой поворот на 180 градусов. Забыв о своих совсем недавних волнениях и возмущении действиями представителей Наркоминдела, направленными на установление контроля над секретным дипломатическим архивом бывшего МИД, они теперь на удивление дружно, словно по команде, стали выступать с заявлениями о «явной незначительности» и «очевидной несерьезности» предпринятого Советской властью издания. «Само содержание опубликованных документов,— указывал, например, 11 ноября «День»,— не внесло ничего такого, что могло бы удивить даже профанов в политике»⁸. Вполне соглашаясь с, мягко выражаясь, беззастенчивым утверждением той же газеты, что многие, если не все обнародованные 10 ноября документы (и, прежде всего, соглашение царской России с союзниками о Константинополе и черноморских проливах), давно стали уже секретом полишинеля, меньшевистская «Рабочая газета» вторила: «Ничего нового по существу мы из опубликованных документов не узнали... Во всем этом, повторяем, ничего нового нет»⁹. Подобные «суждения» в тот же день, 11 ноября, получили авторитетную поддержку официоза союзных посольств в Петрограде «Антанта»: «Козырной туз, которым так стращали своих противников большевики, оказался неkozyрной двойкой... В самом деле, бутафорский эффект взрыва этой новой большевистской бомбы должен оставить без вожделен-

⁷ «Рабочий и солдат», № 21, 10 ноября 1917 г.

⁸ «День», № 205, 11 ноября 1917 г.

⁹ «Рабочая газета», № 210, 11 ноября 1917 г.

ного удовлетворения даже самых нетребовательных любителей политических сенсаций. Все, о чем говорится в публикуемых документах, давно известно в общих чертах...»¹⁰

Справедливости ради следует отметить, что «Рабочая газета», упоминаясь выше, признала грабительский, империалистический характер опубликованных тайных документов, а также то, что в прошлом меньшевики «не настаивали на немедленном их опубликовании». Но соглашатели и здесь остались верны себе. Эти красноречивые сами по себе признания, оказалось, потребовались им лишь для того, чтобы сделать удивительно «логичный» вывод — опубликование тайных договоров имеет смысл «лишь в том случае», если оно «произведено одновременно в странах обеих воюющих коалиций»¹¹.

Вместе с тем даже буржуазная и правосоциалистическая печать, пусть с оговорками и в довольно общей форме, вынуждена была, однако, сказать хотя бы часть правды. А она состояла в том, что, как сообщал, например, «День», сам факт обнародования первых секретных дипломатических документов был встречен «в союзных посольствах и миссиях с чувством негодования», хотя тут же, на другой полосе газетной страницы, можно было прочесть, что, мол, эти документы, «по мнению представителей дружественной нам дипломатии, не содержат в себе ничего такого, что могло бы поколебать престиж России и ее союзников, а равно повредить интересам наших друзей»¹². Тщательно скрываемое, но вылезавшее, несмотря ни на что, наружу беспокойство явственно прозвучало и в следующем номере за 12 ноября. Поместив очередной «бодрый» комментарий о том, что «новая серия писем и документов (имелась в виду вторая подборка секретных дипломатических материалов, опубликованная в советских газетах 11 ноября.—*Авт.*) из архива Министерства иностранных дел представляет еще меньше новизны и интереса, чем первая серия», «День» тут же выдавал себя весьма выразительной фразой: «Другое дело, как отнесутся к этому союзники»¹³.

¹⁰ «Антант», № 2(150), 11 ноября 1917 г.

¹¹ «Рабочая газета», № 210, 11 ноября 1917 г.

¹² «День», № 205, 11 ноября 1917 г.

¹³ «День», № 206, 12 ноября 1917 г.

Антисоветское большинство гласных городской думы — одного из главных контрреволюционных центров в Петрограде послеоктябрьских дней, — вокруг которого объединились фактически представители почти всех буржуазных и мелкобуржуазных партий, в лице своего лидера правого эсера Г. И. Шрейдера тотчас же поспешило отмежеваться от публикации, предпринятой Наркоминделом. «Сегодня ко мне зашел городской голова, — записал в дневнике английский посол Д. Бьюкенен, — с целью заверить меня, что русская демократия сурово осуждает открытие переговоров о сепаратном перемирии, а также опубликование наших тайных соглашений...»¹⁴

11 ноября подпольное Временное правительство после обсуждения на своем заседании вопроса о начавшейся публикации тайных договоров признало необходимым дать соответствующие опровержения. Выполнение этого решения возлагалось на человека, чье имя неоднократно упоминалось выше, — на бывшего старшего товарища министра иностранных дел А. А. Нератова. Он и написал специальную записку, которая, вероятно, должна была явиться своеобразным черновиком будущего «опровержения». Нератов, однако, не сумел сколько-нибудь основательно подтвердить столь желательную для русской и международной буржуазии версию о фальсификаторском характере публикации тайных договоров и ограничился заявлением о том, что ему, дескать, «трудно на память установить тождество подлинника с текстом опубликованных документов» и что министры Временного правительства и Министерство иностранных дел не несут ответственности за издание некоторых из опубликованных документов, озаглавленных «записка», «справка» и т. д., которые хотя, возможно, и хранятся в архиве министерства, но не имеют якобы никакого официального значения. Более того, Нератов вынужден был признать, что представители Наркоминдела «могли располагать подлинными текстами» документов, имея доступ к секретному архиву бывшего Министерства иностранных дел¹⁵.

¹⁴ Д. Бьюкенен. Мемуары дипломата, стр. 278.

¹⁵ См. М. Флер. Временное правительство после Октября. — «Красный архив», т. VI, 1924, приложение VI (Записка А. А. Нератова о тайных договорах, опубликованных Советом Народных Комиссаров), стр. 220.

Дальнейшая публикация в советской печати секретных соглашений и дипломатической переписки царского и буржуазных правительств России с империалистическими державами проходила под непрерывный аккомпанемент озлобленных комментариев буржуазных газет. Снова и снова стоявшие за их спиной контрреволюционные деятели стремились поставить под сомнение серьезность и достоверность осуществлявшегося издания. С этой целью, в частности, были предприняты попытки убедить читателей в абсолютном невежестве и полной некомпетентности «новых» руководителей и сотрудников Наркоминдела. На это в осторожной, так сказать, дипломатичной форме позволил себе намекнуть Нератов: «Нужно, однако, полагать, что эти лица (т. е. новые сотрудники Наркоминдела.—*Авт.*) не вполне отдают себе отчет в том, что является дипломатическим документом»¹⁶. И именно об этом с предельной откровенностью писал, например, «День»: «Самый подбор документов, предназначенных для опубликования, обнаруживает полнейшее невежество привлеченных к этому делу лиц»¹⁷. Но явная тщетность подобных попыток становилась совершенно очевидной, стоило только взять в руки советскую газету и ознакомиться с любой публикацией.

В самом деле, все публикации содержали тексты самих документов на русском языке; тексты документов на иностранных языках и шифрованные материалы приводились в переводе и расшифровке с соответствующими примечаниями: «перевод с французского языка», «перевод китайской ноты», «шифр», «шифрованная телеграмма» и т. д. Воспроизводились также все находившиеся в текстах документов пометки, номера, примечания; подписи и выделенные слова печатались иным шрифтом, отсутствие подписи в документе специально оговаривалось. Каждый документ имел подробный заголовок: «Секретная телеграмма послу в Париже. Петроград, 24 февраля 1916 г., № 948» или «Копия ноты министра иностранных дел от 1 (14) февраля 1917 г. за № 26 французскому посланнику в Петрограде»¹⁸. Помимо этого редакция часто давала

¹⁶ «Красный архив», т. VI, 1924, стр. 220.

¹⁷ «День», № 208, 15 ноября 1917 г.

¹⁸ «Правда», № 185, 10 ноября 1917 г.; «Известия», № 221, 10 ноября 1917 г.; «Газета», № 7, 10 ноября 1917 г.

свой заголовок, содержащий политическую оценку опубликованных материалов и помогавший читателю сразу же уяснить их содержание, направленность и значение, скажем, «Отношение французского правительства к революции в России», «Терещенко защищает корниловщину», «Экономическая зависимость России от союзников», «Ложь Керенского», «Заботы г. Терещенко», «Внутреннее положение Австрии, положение русских военнопленных». Перед специально подготовленной подборкой документов, как правило, помещалось общее название темы. Вот некоторые из них: «Царская дипломатия, печать и сыск», «Положение дел в Румынии», «Как был продан румынский народ», «Самоопределение Польши и Литвы».

И. А. Залкинд вспоминал: «Опубликование производилось по мере нахождения документов, и у нас физически не было времени для писания каких-либо введений или предисловий к ним». Однако в целом ряде случаев печатавшиеся документы сопровождались примечаниями как в тексте, так и под строкой. Вот одно из них: «Ниже печатается ряд официальных документов, посланных г. Терещенко русским послам за границу, из которых ясно устанавливается предательская иностранная политика бывшего коалиционного правительства, лгавшего рабочим, крестьянам и солдатам, что оно тоже стремится к миру»¹⁹.

Наряду с этим первые сотрудники Наркоминдела писали статьи, в которых сообщались сведения по истории происхождения опубликованных документов, анализировалось их содержание и вскрывался подлинный смысл действий и цели дипломатии царской России и буржуазных государств. Таковы статьи М. Павловича (Вельтмана) «Тайные договоры и Персия» и «Тайная дипломатия и вопрос о Палестине», Е. Поливанова «Обстоятельства выступления Румынии и позднейшие соображения по румынскому вопросу» и А. Алек «Порабощение Китая» (написанная в связи с опубликованием тайного русско-японского соглашения 1916 г.)²⁰.

Из центральных, издававшихся в Петрограде, газет наибольшее количество секретных дипломатических до-

¹⁹ «Правда», № 186, 11 ноября 1917 г.

²⁰ См. «Известия», № 222, 231 и 232, 11, 21 и 22 ноября 1917 г.; «Правда», № 216, 16 декабря 1917 г.; «Газета», № 8, 11 ноября 1917 г.

кументов опубликовали «Известия» и «Газета» — более чем по 100. Около 50 поместила «Правда». Последние подборки секретных дипломатических документов в центральной советской периодической печати появились на страницах «Известий» 12 января 1918 г., «Правды» — 18 января 1918 г. (в той и другой по румынскому вопросу), «Газеты» — 21 февраля 1918 г. (четыре секретные телеграммы, а также вступительная заметка к ним под общим заголовком «Как царское правительство предавало индийцев и афганцев. Секретные документы бывшего Министерства иностранных дел»).

ДОЛОЯ СЕКРЕТНУЮ ДИПЛОМАТИЮ!

Наркоминдел не ограничился опубликованием тайных империалистических договоров в прессе. Уже в те ноябрьские дни родилась, по-видимому, мысль об издании наиболее интересных и значительных документов из архива бывшего МИД специальными сборниками. Во всяком случае, еще тогда Е. Д. Поливанов говорил корреспонденту газеты «Новая жизнь» о начавшейся систематизации материалов для «Оранжевой книги»¹. Немного спустя, в первых числах декабря, на страницах «Дня» появилась новая и весьма любопытная информация: «Небезызвестный в социалистической литературе Михаил Павлович („Волонтер“) спешно занимается расшифрованием всяких тайных документов с целью издания „Красной книги“». Как сообщал тогда же «День», в «Красной книге» будет собрано все, что «может изобличить империалистическую политику Европы и Америки....»²

«Во главе дела публикации,— писал в ноябре 1927 г. в «Правде» М. Н. Покровский,— стала личность, донельзя странная для всякого неревolucionера и чрезвычайно близкая и своя для всякого революционера. Это был матрос — простой матрос, из тех, что брали Зимний дворец,

¹ См. «Новая жизнь», № 176, 9 ноября 1917 г.

² «День» № 214, 6 декабря 1917 г.

Издание Народного Комиссариата по Иностранным Деламъ.

Декабрь 1917 г.

№ 1.

2-е издание.

СБОРНИКЪ
СЕКРЕТНЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ
ИЗЪ АРХИВА
БЫВШАГО
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

Типография Комиссариата по Иностраннымъ ДѢламъ.
Дворцовая, 4.

Титульный лист «Сборника секретных документов из архива бывшего
Министерства иностранных дел»

товарищ Маркин»³. «Тов. Маркин, поразительно деятельный и энергичный, находил время проникать во все углы и закоулки министерства, отыскивая всякого рода бумаги, письма и фотографии самого компрометирующего старых чиновников свойства»,— вспоминал о нем И. А. Залкинд.

Именно Маркин являлся непосредственным руководителем секции «Сборника» (при отделе печати) и типографского отдела⁴, он стал ответственным редактором всех семи выпусков «Сборника секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел»,

³ М. Н. Покровский. Импералистическая война. М., 1928, стр. 294—295.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 11, лл. 11—11 об.

начавшего издаваться Народным комиссариатом по иностранным делам с декабря 1917 г. «Более необыкновенного редактора, — говорит М. Н. Покровский, — не имело, конечно, ни одно издание дипломатических документов. И представьте себе, уважаемые буржуазные коллеги, редактор был недурной. Для матроса архив должен был представляться столь же загадочной вещью, как для архивиста броненосец: наверное ни один архивист не сумел бы извлечь из броненосца ни малейшей пользы, а вот матрос, хотя и хаотически, извлек из архива... такие ценнейшие вещи, как сербско-болгарская военная конвенция 1912 года, и по мнению теперешних специалистов... являющаяся одним из исходных пунктов катастрофы 1914 года. Во всяком случае, агитационное впечатление разоблачений получилось от публикаций Маркина полное. В декабре вышли в свет первые три номера «Сборника» — небольшие книжечки в простой бумажной обложке голубовато-серого цвета, — которые разошлись с молниеносной быстротой.

Тогда же, в декабре, было предпринято и осуществлено второе издание этих выпусков⁵, издание четвертого выпуска, где публиковалась обещанная в предыдущих выпусках обширная серия материалов об испанской революции. В январе 1918 г. увидели свет номера пятый и шестой и, наконец, в феврале — седьмой номер, который сказался последним.

На 320 страницах «Сборника»⁶ было обнаружено около 130 самых различных по содержанию документов, находившихся в секретном архиве бывшего Министерства иностранных дел. Некоторые из них были уже

⁵ Кроме имевшегося на титульном листе каждого из первых трех переизданных номеров «Сборника» грифа «2-е издание», последние почти ничем не отличались от выпусков первого издания и действительно являлись его перепечаткой. Лишь на титульном листе выпусков во втором издании помню ссылки на типографию (имевшейся в первом издании) — «Типография Комиссарната по иностранным делам» — был указан также ее адрес: «Дворцовая, 6»), а на обороте последнего листа первых трех выпусков «Сборника» в первом издании, кроме указания на цену выпуска, были набраны сообщения: «Печатается брошюра «Испанская революция по секретным телеграммам российских послов в Мадриде» (в № 1 и 2 «Сборника»)) и «В четвертом выпуске «Сборника секретных документов» будет помещено «Испанская революция по секретным телеграммам российских послов в Мадриде» (в № 3 «Сборника»).

⁶ Все семь выпусков имеют единую нумерацию страниц и документов.

напечатаны ранее в советских газетах⁷, большинство же удалось обнаружить лишь при подготовке «Сборника»⁸.

В состав выпусков вошли также многочисленные неизвестные до того времени материалы о деятельности руководителей Министерства иностранных дел в России и ее дипломатических представителей за границей: секретные телеграммы, донесения, депеши и письма, которыми обменивались русские дипломаты с руководителями МИД, переписка высокопоставленных чиновников и членов царского и Временного правительств, документы секретных совещаний руководителей центральных ведомств России по внешнеполитическим вопросам, ряд специально составленных чиновниками-дипломатами справок, протоколов, докладов, записок.

Как и при публикации в газетах, тексты секретных дипломатических документов воспроизводились в «Сборнике» с большой тщательностью. Обязательно приводились имевшиеся в них резолюции, пометки, номера, условные шифры, штампы, надписи, в том числе и сделанные на иностранных языках, всякого рода пояснения, а также предложения. Переводы или расшифровки снабжались соответствующими примечаниями.

Введением от редакции открывался лишь первый номер, в остальных выпусках в целом ряде случаев давались подстрочные примечания-комментарии⁹, а некото-

⁷ Например, тайное соглашение России и Японии 1916 г., «собственнооручное письмо императора германского на имя бывшего царя», справка по малоазийскому вопросу (о разделе Турции) от 21 февраля 1917 г., русско-германский договор 1905 г., справка по греческому вопросу (компенсации Греции), несколько секретных телеграмм М. И. Терещенко дипломатическим представителям России за границей и, в частности, телеграмма о введении Временным правительством смертной казни в армии.

⁸ Например, военная конвенция России и Франции 1892 г., сербско-болгарская конвенция 1902 г., англо-русский договор 1907 г., проект русско-болгарского соглашения 1909 г., англо-французский договор 1904 г., союзный договор между Болгарией и Сербией 1912 г., соглашение России с Францией 1917 г., русско-румынская военная конвенция 1916 г., секретное соглашение по албанскому вопросу между Австрией и Италией 1913 г., русско-германский секретный протокол 1907 г., русско-германско-австрийский договор 1881 г.

⁹ Публикация письма чиновника бывшего Министерства иностранных дел Щербатова сопровождалась таким пояснением: «В шкафу одной из комнат бывшего министерства найдено следующее письмо, характеризующее, с одной стороны, нравы чиновников-контрбюджетистов, а с другой — их отношение к низшим служащим». («Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 1, стр. 28.)

рым документам предпосылались краткие примечания-справки по их истории¹⁰.

Явившись первым советским отдельным изданием дипломатических документов, «Сборник», естественно, не лишен был некоторых недостатков. На один из них указала сама редакция: «Ввиду перегруженности сотрудников Комиссариата в первом номере принцип систематизации не будет проведен с должной строгостью»¹¹. В целом же выход «Сборника» в свет имел исключительно большое политическое и научное значение.

Главная отличительная особенность его состояла в чрезвычайной злободневности и острой политической направленности. Каждый из семи выпусков способствовал разоблачению захватнической внешней политики правительств империалистических государств и укреплению авторитета Советской республики на международной арене, помогал Советской власти завоевывать доверие и прочную поддержку трудящихся России и всех стран. Н. Г. Маркин писал: «Целью настоящего Сборника является ознакомление широких масс с содержанием документов, хранившихся в бронированных комнатах и несгораемых шкафах бывшего Министерства иностранных дел как одного из филиальных отделений буржуазии всех стран... Пусть знают трудящиеся всего мира, как за их спинами дипломаты в кабинетах продавали их жизнь. Аннексировали земли. Бесцеремонно порабощали мелкие нации.

Давили, угнетали политически и экономически. Заключали позорные договоры.

Пусть знает всякий, как империалисты одним росчерком пера отхватывали целые области. Орошали поля человеческой кровью.

Каждый открытый секретный документ есть острейшее оружие против буржуазии»¹².

¹⁰ Так, после текста справки по малоазнатскому вопросу о разделе Турции было помещено, например, такое примечание редакции: «В Комиссариате по иностранным делам имеется секретная карта с обозначением предполагаемых аннексий в пользу Англии, России и Франции». («Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 2, стр. 57.)

¹¹ «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 1, стр. 1.

¹² Там же, стр. 1.

Эту же цель — разоблачение антинародной деятельности империалистической буржуазии и ее представителей в области международных отношений, упрочение интернациональной пролетарской солидарности и сплочение трудящихся всех стран вокруг Республики Советов — преследовали помещенные на начальной и конечной страницах каждого из выпусков «Сборника» обращения и лозунги: «Да здравствует братство всех народов!», «Пролетарии всех стран! Сбрасывайте с себя ярмо империалистов! Опубликовывайте мрачные договоры народных угнетателей по примеру рабочих, солдат и крестьян Российской республики!», «Да здравствует демократический мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов!», «Да здравствует великая Советская республика!»

Опубликование секретных соглашений наглядно показало трудящимся мира истинные причины первой мировой войны, развязанной империалистической буржуазией ради захвата чужих земель и получения новых прибылей. Стала очевидной и явная фальшь каждодневных утверждений буржуазной пропаганды о свободе слова, печати, собраний в странах капитала. Поклонники буржуазной демократии смогли теперь воочию убедиться в том, что, как подметил акад. М. Н. Покровский, в этой печати и на этих собраниях не говорят всего лишь о двух, самых «маленьких» вещах — о «финансовых сделках банкиров и спекулянтов, от которых зависит дороговизна или дешевая жизнь, голод или изобилие, да о международных сделках, от которых зависит самая жизнь, сытая или голодная, все равно»¹³.

Итак, Советская власть выполнила свое обещание и обнародовала тайные договоры и соглашения.

Возникает естественный вопрос: каково было их содержание, что знали о происходивших событиях люди? Разумеется, мы не сможем рассказать обо всех документах, мы остановимся лишь на некоторых, особо важных и выразительных.

¹³ М. Н. Покровский. Империалистическая война, стр. 290.

В июле 1891 г. Кронштадтский порт-крепость был расцвечен флагами. На улицах, прилегающих к порту, царило небывалое оживление. В Кронштадт прибыли многочисленные царские сановники, министры и генералы. Отдельной группой расположились члены царствующей семьи. Взоры всех были устремлены на залив, в который медленно входила французская морская эскадра. Ее встречал сам царь — Александр III. На следующий день газеты, захлебываясь от восторга, познакомили читателей со всеми деталями этого торжественного дня.

Через год, хотя и с меньшей помпой, Петербург встречал заместителя начальника французского генерального штаба. А еще спустя полтора года русский флот нанес ответный визит в Тулон. И опять русские и французские газеты кричали о дружбе двух стран, снова следовали описания многочисленных банкетов и приемов, светских бесед и раутов.

Но газеты умалчивали об одном — о содержании бесед, которые вели представители двух стран.

И только много позднее стало известно, что в те годы (1891—1893) была подписана франко-русская военная конвенция, которая гласила, что если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, то Россия употребит все силы для нападения на Германию. В свою очередь и Франция обязывалась напасть на Германию в случае ее нападения на Россию. В конвенции уточнялось и конкретизировалось количество войск, подлежащих мобилизации, и пр. Россия должна была предоставить в распоряжение Франции необходимые ей людские резервы — пушечное мясо. В специальном письме русскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову из царской ставки цинично сообщали: «Французы нам дают ружья... мы же будем давать им людей»¹.

Франко-русская военная конвенция была важным шагом на пути к созданию союза Франции, Англии и Рос-

¹ «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 4, стр. 167.

сии, направленного против Германии. Содержание этой конвенции хранилось в глубокой тайне до тех пор, пока Советское правительство не опубликовало конвенцию и связанные с ее подписанием документы.

Значительная группа обнаруженных материалов относилась к 1900—1914 гг. Главный вопрос тех лет — создание военных блоков и союзов.

В начале 1904 г. в газетах появилось сообщение о подписании 8 апреля англо-французского соглашения — «сердечного согласия». В печать был передан текст соглашения. В числе прочих в нем имелась декларация «О Египте и Марокко».

Английское правительство торжественно заявляло в декларации, что оно не собирается изменять политический статус Египта, а Франция — что она не будет препятствовать действиям Англии в Египте. В обмен на свободу рук для Англии в Египте Франция получила право на Марокко. «Правительство Французской республики объявляет, — гласила декларация, — что оно не имеет намерения изменять политический статус Марокко. Со своей стороны правительство его британского величества признает, что Франции надлежит следить... за спокойствием в этой стране и оказывать ей помощь во всех потребных ей административных, экономических, финансовых и военных реформах... Оно объявляет, что не будет препятствовать действиям Франции в этом смысле».

В таком виде документ и был опубликован; его содержание ясно и очевидно предусматривало сохранение *status quo* в Марокко. Но оказалось, что договор состоял из двух частей. Вторая — секретная часть — включала пункты, прямо противоположные первой.

Статьи 1 и 2 секретной части говорили о возможности изменения «политического статуса» и Марокко и Египта. А в статье 3 указывалось, что в тот день, когда султан Марокко перестанет осуществлять над ней свою власть, одна из областей перейдет в сферу влияния Испании. (Вся остальная часть Марокко переходила к Франции.) «Забываясь» об Испании, Англия стремилась не допустить захвата французами побережья Гибралтарского пролива. Специальная декларация устанавливала также раздел Сиам между Англией и Францией на сферы влияния.

Соглашение 1904 г. представляло собой яркий пример тайной дипломатии. Вполне благопристойные пункты, преданные гласности, и одновременно статьи о разделе мира, хранимые в глубокой тайне. Лишь спустя много лет общественность узнала о существовании второй, секретной части англо-французского соглашения 1904 г.

Россия после подписания конвенции с Францией готовилась к подписанию соглашения с Англией, но одновременно не порывала «дружеских» отношений с Германией. В свою очередь немцы были весьма обеспокоены франко-русским союзом и всячески стремились разрушить его.

Германский кайзер Вильгельм II решил воспользоваться тяжелым положением России после русско-японской войны и нарастанием революционного движения в стране.

Летом 1905 г. Вильгельм II совершал очередную морскую прогулку. На этот раз маршрут его лежал близ финляндских берегов. И вот германский кайзер предложил Николаю II встретиться в финляндских шхерах.

23—24 июля 1905 г. около острова Бьерка состоялось свидание двух коронованных особ. Вильгельм II намеревался обсудить с российским самодержцем проект договора, переговоры о котором велись еще в 1904 г. Тогда Германия предлагала России подписать договор о дружбе: если бы одна из двух империй подверглась нападению со стороны одной из европейских держав, то другая обязывалась прийти ей на помощь и сухопутными и морскими силами. Германия стремилась также облегчить себе условия экономического и торгового проникновения в Россию.

Германский проект договора был направлен на подрыв франко-русского союза. Царское правительство не согласилось в то время на немецкое предложение. Россия не хотела разрыва союза с Францией и обострения отношений с Англией.

И вот теперь в Бьерке Вильгельм II возвращается к старой идее. На этот раз Николай II оказался более сговорчивым. Он недолго сопротивлялся и подписал документ, представленный ему германским кайзером. Совершив эту процедуру, русский царь призвал своего морского министра Бирилева, закрыл рукой текст и приказал Бирилеву поставить под ним и свою подпись. Цар-

ский министр послушно выполнил волю высочайшего монарха.

Вильгельм II ликовал. Наконец он получил возможность усилить нажим на Францию и добиваться ее присоединения к Бьеркскому договору.

Николай II, довольный совершенным, показал своим приближенным текст соглашения. Российский министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф пришел в ужас. Рушилась вся его многолетняя работа по сколачиванию франко-русского союза. Он немедленно запросил Францию о ее отношении к возможному новому союзу в Европе и получил заверение, что Франция продолжает сохранять верность союзу с Россией.

Тем временем в Россию из Японии вернулся граф Витте. Ламздорф и Витте всячески внушали царю мысль, что Бьеркский договор противоречит русским интересам. В итоге Николай II отправил своему «дорогому брату» Вильгельму II письмо, в котором отказывался от договора, ссылаясь на необходимость переговоров с Францией.

Вся эта колоритная история, вскрывшая нравы того времени, ярко продемонстрировавшая истинные цели и методы дипломатии великих держав, держалась в строгом секрете. В газетах красочно описывалось свидание двух монархов, говорились пышные слова о братстве и дружбе. А общественность оставалась в полном неведении относительно тех головомных дипломатических перипетий, которые сопровождали дружественную встречу на Балтике. Только Октябрьская революция позволила раскрыть и этот факт.

В 1906—1907 гг. проходили оживленные переговоры между Россией и Японией. 30 июля 1907 г. было подписано русско-японское политическое соглашение. В печати объявлялось, что обе стороны договорились о сохранении *status quo*, но одновременно умалчивалось о секретном соглашении: Япония признавала Северную Маньчжурию сферой влияния России, а Россия Южную Маньчжурию и Корею — сферой влияния Японии.

31 августа 1907 г. состоялось подписание англо-русского соглашения. Оно касалось Персии, Афганистана и Тибета. Персия разделялась на три зоны (английскую, русскую и нейтральную); Англия заявляла, что она не имеет намерения изменять политический статус Афга-

нистана; в свою очередь Россия признавала Афганистан, находящимся «вне сферы русского влияния». И Россия и Англия признавали верховные права Китая на Тибет.

Но снова в соглашении имелись пункты, не предназначенные для печати и общественности. В этих пунктах шла речь об условиях контроля над зонами в Персии, позициями договаривающихся держав в Афганистане и пр.

Значительное число документов раскрывало политику Германии и ее союзников, ярко показывало, как милитаристские круги Германии все более втягивали Европу в войну.

В «Сборник» вошло вместе с тем несколько других, специально подобранных групп документов, связанных общей тематикой. Прежде всего, подписанный дипломатическими представителями 10 государств в Петербурге 1 марта 1904 г. протокол об отношении и совместных действиях против революционного движения и революционеров («анархистов») и «Записка об анархистах» Ламздорфа, представленная им на рассмотрение Николая II. В своей записке, датированной 3 января 1906 г., Ламздорф не без основания утверждал: «Происходившие в России в течение 1905 года события, особенно обострившиеся с начала минувшего октября и приведшие после ряда так называемых забастовок к вооруженному мятежу в Москве и разных других городах и местностях империи, совершенно ясно указывают, что русское революционное движение, независимо от его глубоких социально-экономических и политических причин внутреннего свойства, имеет и весьма определенный международный характер»². Но правящие круги Германии, Австро-Венгрии, Дании, Румынии, России, Сербии, Швеции, Норвегии, Болгарии и Турции еще раньше (в 1904 г.) решили объединить свои усилия в борьбе с революционным движением. И вот теперь трудящиеся всех этих стран сами могли ознакомиться с текстом секретного протокола (он был опубликован в «Сборнике» под заголовком «Союз империалистов против анархистов»), где прямо указывалось на необходимость «противопоставить энергичное сопротивление развитию анархического движе-

² «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 6, стр. 264.

ния» и на те репрессивные меры, которые эти правительства договорились принять в отношении «всех анархических выступлений и покушений»³.

Острым очагом напряженности стал в те годы Балканский полуостров — «пороховой погреб» Европы. Там переплетались интересы великих держав, там развивалось соперничество и самих балканских государств — Сербии, Болгарии и др. Официальные документы, статьи в газетах и журналах очень часто касались балканских проблем, но, как и в отношении других районов, истинные планы и замыслы государств держались в строгом секрете.

В 1902 г. была заключена сербско-болгарская конвенция, в 1909 г. подготовлен проект русско-болгарского соглашения. Наконец, наступили события 1911—1912 гг.

В 1911 г. по инициативе сербского правительства начались переговоры о заключении балканского блока.

Россия намеревалась использовать складывающийся балканский союз для ослабления германо-австрийского влияния на Балканах и для усиления там позиций России.

Образование Балканского блока затрагивало интересы настолько большого числа государств (и великих и малых), что переговоры проходили с огромным трудом. Дипломаты Болгарии и Сербии разъезжали из Белграда в Софию и обратно. В Вене, Стамбуле, Петербурге, Лондоне, Париже и Берлине устраивались бесконечные консультации, выдвигались территориальные претензии.

Большие споры велись по вопросу о русском арбитраже. Россия хотела оставить за собой право решения судьбы спорных территорий, не переходивших ни к Сербии, ни к Болгарии.

Наконец, после многочисленных переговоров и дипломатической переписки 13 марта 1912 г. сербо-болгарский договор был подписан. Статьи 1 и 2 договора предусматривали, что и Сербия и Болгария обязывались прийти друг другу на помощь в случае нападения на одну из стран третьих держав или в случае попыток занять какие-либо территории, находящиеся в момент подписания договора под турецким господством.

³ «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 6, стр. 258

В договоре имелись и секретные приложения о том, что Сербия и Болгария в подходящий для себя момент будут готовы напасть на Турцию. Это нападение, правда, обуславливалось предварительным согласием России. Секретное приложение определяло также условия раздела тех территорий, которые и Сербия и Болгария рассчитывали приобрести.

Англия и Франция были информированы о сербо-болгарском союзе. Английское и французское правительства заявили о своем одобрении договора.

Создание сербо-болгарского союза приближало войну на Балканах. Причем балканский пожар мог очень легко превратиться в общеевропейскую войну. Конечно, при оценке этого договора нельзя не учитывать роста национально-освободительного движения на Балканах и стремления сербского и болгарского народов к свободе и независимости, но в основе действий правителей и Сербии, и Болгарии и, разумеется, всех великих держав лежали планы захватов и усиления влияния, ослабления противников, взаимное соперничество и пр.

Неоднократно печатались также документы о переговорах великих держав с Румынией и о причинах, побудивших румынскую правящую верхушку втянуть свою страну в мировую империалистическую бойню. Интересно отметить, что с публикацией одного из секретных документов румынского дипломата непосредственно связано имя В. И. Ленина. «Так, однажды,— вспоминал И. А. Залкинд,— мы срочно пустили в печать по личному указанию В. И. Ленина найденное мною донесение румынского военного атташе с сообщением о намерении Корнилова нарочно сдать Ригу с целью борьбы против пораженчества».

Началась первая мировая война. Если посмотреть газеты стран Антанты, прочитать речи политических деятелей, дипломатов, министров, генералов, то может показаться, что единственная цель, ради которой великие державы вели войну,— это защита отечества, национального суверенитета и национальных границ.

Английские политические деятели не помышляли, оказывается, ни о чем, кроме защиты острова Альбиона от германской угрозы. Французские политики никаких планов захвата других земель не имели.

Русский царизм думал только о судьбе своих едино-

верцев на Балканах и о защите России. А правители Германии воевали, чтобы противостоять агрессивным планам Англии и России и сохранить жизнь немецких подданных в Европе.

Такова была внешняя сторона дела. Но существовала и обратная сторона медали.

5 марта 1915 г. русский министр иностранных дел Сазонов сообщал своему послу в Париже о том, что Англия и Франция подтвердили согласие на присоединение к России черноморских проливов и Константинополя. Через два дня в новой телеграмме Сазонов просил поблагодарить за это французское правительство. В обмен за эту сказанную любезность Россия подтверждала право Англии на нейтральную зону Персии (до того времени не входившую в сферу британского влияния) и заявляла о готовности рассмотреть вопрос об английских интересах в Северном Афганистане.

Из приведенных выше дипломатических депеш становилось ясным, что правители России, Англии и Франции вели войну отнюдь не из соображений защиты народов и гуманистических идеалов.

Большевики, В. И. Ленин в те годы предупреждали, что царское правительство стремится к захватам проливов и Константинополя и пр., но эти предупреждения не могли быть тогда подтверждены документально.

Среди секретных документов, извлеченных из архивов царского МИД, была и справка по малоазиатскому вопросу, датированная 21 февраля 1917 г. В ней говорилось, что весной 1916 г. в Лондоне и Петрограде проводились переговоры о распределении зон влияния в Азиатской Турции между Англией, Россией и Францией. В справке подробно излагалось, какие территории и за что могли получать три союзные державы. Опять фигурировали проливы, Константинополь, округа, города и поселки Турции, которые надлежало отдать трем великим странам. Естественно, что ни в записке, ни при переговорах не упоминались права самой Турции. Она никого не интересовала, коль скоро шел разговор о вещах «более важных и значительных».

Однако тайные соглашения между участниками Антанты во время войны касались не только Азии. И свидетельства этого также хранились в пломбированных сейфах дипломатических ведомств. 24 февраля 1916 г. тот

же Сазонов писал русскому послу в Париже о том, что Россия готова признать права Англии и Франции на изменение в их пользу западных границ Германии. За это Россия хотела получить такие же права на восточных немецких границах. В депеше Сазонов ставил вопрос о необходимости вытеснения немцев из Китая и т. д.

В дальнейшем к названным проблемам снова неоднократно возвращались дипломатические представители стран Антанты. Так, 30 января 1917 г. Сазонов в телеграмме в Париж называет Эльзас, Лотарингию и Рейнскую область, которые могут отойти к Франции. Он опять пишет о правах России на «разграничения» с Германией и Австро-Венгрией. Через несколько дней все это повторяется еще раз в письме к французскому посланнику в Петрограде.

Россия проявляла особую заинтересованность в европейских делах. И хотя война еще была далека от финала, союзники договаривались о разделе европейских земель и территорий, не принимая, разумеется, в расчет ни прав, ни интересов населения Европы.

Союзники занимались еще одной проблемой. Они всячески стремились расширить количество стран, воевавших против германо-австрийского блока. При этом страны Антанты не скупились на обещания. Опять-таки за счет других стран и народов.

В апреле 1915 г. Англия, Франция и Россия, с одной стороны, и Италия — с другой, заключили тайное соглашение. О содержании сделки мировая общественность узнала только после победы Октябрьской революции. Союзники обещали Италии Южный Тироль, Триест, сербо-хорватскую область, Албанию и греческие острова Малой Азии. За это Италия обязывалась активно выступить против Австро-Венгрии.

Территории на Балканах вообще служили для Антанты разменной монетой в привлечении новых союзников. Так, оказывается, Греции тоже обещали часть Албании и помимо Албании остров Кипр и часть земель в Малой Азии.

Руководители Антанты кроили карту не только Европы, но и Азии и даже Африки.

Англия активно договаривалась с Японией о разделе сфер влияния в Китае и в других районах Дальнего Востока.

В тот самый период, когда газеты либо молчали, либо давали весьма скудную и ничего не значащую информацию о русско-японских отношениях, русский посол в Токио постоянно наведывался в министерство иностранных дел и вел переговоры с японскими дипломатами. Одновременно г-н Ону обедал с г-ном Сазоновым, посещал светские рауты, организуемые царскими сановниками и министрами.

И как итог этого — соглашение 1916 г. В нем обе стороны договаривались о совместных действиях на Дальнем Востоке.

Война не мешала дипломатам заниматься и таким вопросом, как судьба Палестины. Раздел земель Палестины интересовал и Англию, и Францию, и Россию. Он был связан и с судьбой Турции.

Словом, в тайне от народа, за их спиной и против них великие державы делили мир. На приемах и банкетах, на встречах и проводах говорились красивые речи о свободе и демократии, о правах народов и их судьбах, и только избранные знали, чего они стоят. Договоры и соглашения аккуратно подшивались и прятались в стальные сейфы министерств иностранных дел.

Однако договорами не исчерпывалось содержимое секретных сейфов. В них хранились многочисленные записки и ноты, справки и донесения, которые вскрывали все перипетии дипломатической деятельности.

В архивах Российского МИД накопилось огромное количество документов об отношении других государств к революционным событиям в России: коллективные ноты держав и индивидуальные дипломатические представления, большинство из них уже после февраля 1917 г.

Министры Временного правительства неоднократно заявляли о своей верности союзническим обязательствам, но одновременно и о своей самостоятельности и независимости.

В газетах помещались статьи и интервью Керенского, Милюкова, Терещенко и др., в которых превозносилась политика Временного правительства, стоящего на страже завоеваний демократии в России.

Большевики, В. И. Ленин многократно разоблачали антинародный характер и внешней и внутренней политики Временного правительства, указывали на его полную

зависимость от союзников по Антанте. Документы, хранящиеся в тайниках Российского Министерства иностранных дел, подтвердили эти выводы. Опубликованные в ноябре-декабре 1917 г. материалы рассказывают, например, о действиях иностранных дипломатов во время заговора генерала Корнилова в августе 1917 г., о политических, экономических и финансовых отношениях между союзниками.

Западные дипломаты диктовали своему российскому союзнику, как ему следовало себя вести внутри страны и на международной арене. Чем ближе был октябрь 1917 г., чем более шатким оказывалось положение Временного правительства, тем большее беспокойство проявляли представители Англии, Франции и США. 26 сентября союзные послы обратились к Временному правительству с нотой, в которой высказывались в пользу создания твердой власти в России. Российский министр иностранных дел Терещенко в своем ответе заверил союзников, что он и его коллеги прилагают все усилия для реализации их пожелания.

Публиковались также представлявшие интерес отдельные тайные документы. Среди них, например, телеграмма из Ясс генерала Щербачева генералу Духонину с приведением письменного заявления начальника французской военной миссии генерала Бертело от 12 ноября 1917 г.; телеграмма из Парижа генерала Зенкевича военному министру Временного правительства об отношении французского правительства к революции в России; одна из выразительнейших страниц переписки двух венценосных «преданных» друзей-кузенов Ники и Вилли — собственноручное письмо германского императора Вильгельма II бывшему царю Николаю II; телеграмма комиссара Временного правительства по делам Дальнего Востока Русакова министру иностранных дел от 9 мая 1917 г.⁴

29 сентября Терещенко направил российским послам в Париже, Лондоне, Риме и других столицах специальную информацию о положении в стране. Одновременно министр поручил своим дипломатам просить руководителей Антанты не публиковать материалы о беспокойст-

⁴ См. «Известия», № 225, 244, 252, 14 ноября, 6 и 15 декабря 1917 г.

ве союзников за судьбу власти в России, заявляя, что это может произвести впечатление вмешательства в ее внутренние дела. И затем снова Терещенко клялся в верности союзническим обязательствам.

Следует указать и на серию документов, опубликованных под названием «Испанская революция». 35 секретных телеграмм бывших послов и поверенных в делах России в Испании за период с 7 марта по 10 октября 1917 г., помещенные в них отклики на Февральскую революцию наглядно показали, как было обеспокоено Временное правительство революционными событиями в Испании и как внимательно оно следило за их развитием⁵.

Нельзя не отметить также, что в разделе «Из частной корреспонденции» (он имеется в пяти первых выпусках) редакция «Сборника» поместила некоторые документы, которые давали читателям возможность судить о подлинном облике бывших царских и буржуазных чиновников-дипломатов, не брезговавших взяточничеством, доносами и контрабандой. «Станислав III степени равняется одной паре ботинок» — под таким заголовком появилось, например, письмо атташе в Токио барона Ренне на имя секретаря Дальневосточного отдела бывшего МИД Артамонова. Ошеломленный читатель мог прочесть такие, говорящие сами за себя, строки: «...получится обмен продуктов: Вы мне Станислава III ст., я Вам — ботинки и т. д.». И беззастенчиво добавлялось: «При неустойчивости положения это к тому же будет хорошей практикой на будущее, когда, может, придется братья еще и не за это»⁶.

В разоблачении преступных махинаций чиновников бывшего Министерства иностранных дел особенно энергичное участие принимал Н. Г. Маркин. Как вспоминает И. А. Залкинд, «Маркину принадлежала также идея торжественной продажи с публичного аукциона в главной зале министерства всех безделушек, присланных в огромном количестве дипломатическими вализами от заграничных друзей императорским чиновникам министерства. Чего тут только не было: и принадлежности дамского туалета, и всякие статуэтки, и литература лег-

⁵ См. «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 4, стр. 129—155.

⁶ Там же, № 2, стр. 77—79.

комысленного свойства, и пр. Трудно забыть выражение физиономии норвежского консула, когда мы его сводили в комнату, отведенную нами для всех этих «гостинцев», пересылаемых патриотическими чиновниками своим не менее патриотическим друзьям в «годину неслыханных бедствий горячо любимого отечества», как любили в ту пору выражаться».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Публикуемые в Советской России тайные дипломатические документы, конечно, не становились известными широкой публике в капиталистических странах, но все же сведения о них постепенно проникали и на Запад.

Английская либеральная газета «Манчестер Гардиан» уже в декабре 1917 г. начала перепечатку некоторых увидевших свет материалов. Часть из них появилась и в ряде газет нейтральных стран.

Западный буржуазный мир был шокирован действиями большевиков, посягнувших на, казалось, незыблемые основы дипломатической практики. На заседании английского парламента был сделан специальный запрос по этому поводу. Подобная акция Советской власти наряду с другими поразила капиталистический мир, нанесла удар по его устойчивости, по его традициям и порядкам. Принятая революционная мера отражала новые принципы деятельности молодой Республики Советов.

Примечательными были и методы, при помощи которых реализовывалась советская программа. Даже при сравнении с нынешними ультрасовременными издательскими и полиграфическими возможностями представляется совершенно удивительным, как в течение какого-нибудь месяца с лишним было не только извлечено, отобрано, переведено и прокомментировано, но и издано столь большое количество важнейших дипломатических бумаг. Энтузиазм, накал революционных страстей помогли осуществлению огромной работы в такие рекордно короткие сроки.

Публикация документов имела большое значение для укрепления позиций большевиков. Ведь они сумели бы-

Титульный лист сборника тайных документов, изданного в Берлине

стро реализовать еще один пункт прежней программы, продемонстрировав снова верность своим обещаниям.

В. И. Ленин, выступая 22 ноября 1917 г. на I Всероссийском съезде военного флота, сказал: «Мы опубликовали и впредь будем опубликовывать тайные договоры. Никакая злоба и никакая клевета нас не остановит на этом пути. Господа буржуа злобствуют оттого, что народ видит, из-за чего его гнали на бойню. Они пугают страну перспективой новой войны, в которой Россия оказалась бы изолированной. Но нас не остановит та бешеная ненависть, которую буржуазия проявляет к нам, к нашему движению к миру... Можно и должно работать рука об руку с революционным классом трудящихся всех стран. И на этот путь встало Советское правительство, когда

опубликовало тайные договоры и показало, что правители всех стран — разбойники. Это есть пропаганда не словом, а делом»¹.

Публикацией секретных договоров, разоблачением их агрессивной, захватнической сущности Советская власть показала и свой принципиальный разрыв с прежней политикой царского и Временного правительств. «Рабочие всего мира, в какой бы стране они ни жили, приветствуют нас, сочувствуют нам, рукоплещут нам за то, что мы порвали железные кольца империалистических связей, империалистических грязных договоров, империалистических цепей...»², — писал В. И. Ленин. Отмена тайной дипломатии входила в общее русло внешнеполитических мероприятий, проводимых Советским правительством после победы Октябрьской революции. Именно тогда закладывались основы новой внешней политики. В центре всей работы стоял В. И. Ленин. Он подбирал работников для Наркоминдела, писал или редактировал ноты и заявления, встречался с дипломатическим корпусом, принимал иностранных журналистов, отдельных официальных и неофициальных представителей капиталистического мира.

В. И. Ленин учил советскую дипломатию быть принципиальной, преданной делу революции, защищать всеми средствами революционные завоевания Советской власти, но в то же время он призывал советских дипломатов к гибкости, к умелой тактике и маневрированию и сам давал великолепные образцы соблюдения этих правил.

«В тот период, — вспоминал народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин, — когда Владимир Ильич принимал активнейшее участие во всех деталях государственной жизни, я в области своей работы находился с ним в почти непрерывном контакте. В первые годы существования нашей республики я по несколько раз в день разговаривал с ним по телефону, имел с ним иногда весьма продолжительные телефонные разговоры. Кроме частных непосредственных бесед, нередко обсуждал с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел. Сразу схватывая существо каждого вопроса и сразу давая ему самое широкое политическое освеще-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 116—117.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 53.

ние, Владимир Ильич всегда в своих разговорах делал самый блестящий анализ дипломатического положения, и его советы (нередко он предлагал сразу), самый текст ответа другому правительству могли служить образцами дипломатического искусства и гибкости... Его неподражаемый политический реализм нередко спасал нас от ошибок, на которые были способны другие товарищи, более склонные поддаваться впечатлениям. Владимир Ильич в ежедневных телефонных разговорах давал мне точнейшие советы, проявляя изумительную гибкость и умение уклоняться от ударов противника. Опять-таки благодаря его личному вмешательству удавалось округлять возникавшие острые углы»³.

Уже в первые месяцы после Октябрьской революции В. И. Ленин разработал вопрос о возможности и условиях соглашений Советской республики с капиталистическим миром, о соотношении интернациональных и национальных задач Советской власти, о связи событий в России с развитием мирового революционного процесса.

Когда в Германии началась революция, Советская Россия стремилась максимально помочь германским рабочим.

Когда в марте 1919 г. была провозглашена Венгерская Советская Республика, последовали приветственные телеграммы Ленина Бела Куну и заверения, что Советская власть сделает все, что в ее силах, чтобы помочь Венгерской Республике.

Как известно, в связи с развертыванием мирового революционного движения в большевистской партии в конце 1917—начале 1918 г. проходила острая дискуссия. Группа «левых» коммунистов выступила с ультралевыми лозунгами, требуя в интересах мировой революции даже пойти на утрату Советской власти. В борьбе с ними В. И. Ленин теоретически обосновал и развил мысль о том, что лучшей формой помощи делу мировой революции будет укрепление Советской власти в России. Поэтому и внешнеполитическое ведомство страны получило важнейшую задачу — обеспечить независимость Страны Советов, ее защиту.

В. И. Ленин выдвинул и другую задачу Советского

³ Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, стр. 276—277, 279.

государства — оказание помощи национально-освободительному движению стран Востока, всем народам, находившимся в зависимом от империализма положении.

Важное значение имела «Декларация прав народов России», опубликованная Совнаркомом 3 ноября 1917 г. Подтвердив сказанное в Декрете о мире о праве наций на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, Декларация вместе с тем сформулировала и законодательно закрепила такие важнейшие принципы деятельности социалистического государства в области национальных отношений, как полное равенство и суверенность народов, отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России, а также подчеркнула необходимость подлинно интернационального союза трудящихся всех, больших и малых, наций и национальностей в их борьбе против эксплуатации и угнетения.

20 ноября Совнарком принял обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Оно провозгласило полную свободу верований и обычаев, право мусульман на самостоятельное и беспрепятственное устройство своей жизни. Объявив порванными и уничтоженными все тайные грабительские соглашения, заключенные царским и Временным правительствами с империалистической буржуазией других государств о разделе Турции и Ирана, о захвате чужих земель, принадлежавших народам Востока, Советская власть вскоре подтвердила свое заявление актом вывода русских войск из Ирана.

29 декабря Совнарком утвердил Декрет о Турецкой Армении, который объявил о признании права населения этой части Армении на свободное самоопределение вплоть до получения полной независимости. Еще раньше декретом Совета Народных Комиссаров от 18 декабря 1917 г. предоставлялась государственная независимость Финляндии. О том, как представители финляндского правительства получили от Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина соответствующий акт, красочные воспоминания оставил один из первых советских наркомов, А. Г. Шлихтер: «... У дверей кабинета Председателя Совнаркома Владимира Ильича Ленина специальная делегация финляндского буржуазного правительства со Свинхувудом во главе. Они приехали, чтобы по-

лучить из рук Советской власти документ о признании Финляндии самостоятельным и независимым от России государством. Чистенькие, крахмальные, чопорные, в сюртуках с иголки, они как-то странно и чаще, чем следует, улыбались и, видимо, были смущены.

Что их смущало? Эта ли наскоро сколоченная, простая деревянная вешалка у дверей главы государства, где им самим, без швейцаров и лакеев, пришлось повесить свои меховые пальто? Или эта диковинно простая приемная, где им надо стоять и ожидать? Или, наконец, их смущал и корбил самый факт оказаться в роли просителей у порога рабочей власти?.. Открылась дверь, и тут же, у порога кабинета, произошла эта характерная по новизне и необычайности церемония дипломатической встречи двух миров: изысканно сшитых буржуазных сюртуков с простеньким, темноватого цвета советским пиджачком...

Так Совет Народных Комиссаров дал Финляндии без какого бы то ни было торгашества и лукавства, честно, открыто и искренне то, что было провозглашено победоносным пролетариатом в первые же дни Октябрьской революции»⁴.

Впоследствии В. И. Ленин специально подчеркнул, насколько правильным было решение, принятое первым пролетарским правительством России — Советом Народных Комиссаров, насколько оно подняло авторитет советской национальной и внешней политики. «Мне рассказывал финский представитель, — говорил В. И. Ленин, — что среди финляндской буржуазии, которая ненавидела великороссов, раздаются голоса: „Немцы оказались бóльшим зверем, Антанта — бóльшим зверем, давайте лучше большевиков”». Вот громадная победа, которую мы в национальном вопросе одержали над финской буржуазией»⁵.

В течение 1920—1921 гг. успешно велись советско-иранские переговоры, которые завершились подписанием договора 26 февраля 1921 г. Советское правительство объявляло об отмене всех неравноправных договоров, заключенных ранее Россией с Ираном, аннулировало иран-

⁴ А. Г. Шлихтер. Из воспоминаний о Ленине. М., 1937, стр. 58—59.

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 182—183.

ские долги, возвращало ему концессии и имущество, приобретенные царской Россией. Это было первое в истории Ирана равноправное соглашение.

Через два дня был заключен советско-афганский договор, сыгравший большую положительную роль в борьбе Афганистана за независимость, в укреплении советско-афганской дружбы.

В 1920 г. перед отъездом советского посла в Турцию в беседе с ним В. И. Ленин говорил: «Главное — уважение к народу. Разъясните нашу позицию бескорыстной дружбы, невмешательства во внутреннюю жизнь страны в противовес захватнической, грабительской политике империалистов... Нужно умело доказать, объяснить не словами, а делами, разницу между старой царской Россией и Россией советской. Это наша задача и вы, как посол, обязаны быть проводником советской политики невмешательства в их дела, быть поборником искренней дружбы наших народов»^е.

В 1921 г. был подписан и советско-турецкий договор. Советская сторона обязывалась предоставить Турции финансовую помощь в размере 10 млн. золотых рублей.

Взаимоотношения со странами Востока отражали новые принципы советской внешней политики, сформулированные впервые в Декрете о мире. От поддержки отдельных стран Востока, от установления с ними первых соглашений и договоров, Советская страна пришла к признанию своей роли как ведущей силы в борьбе против колониализма, в защите национальной независимости стран азиатского и африканского континентов.

В. И. Ленин придавал очень большое значение и проблемам отношений Советской страны с капиталистическим миром. Дело это было далеко не простое. В самой большевистской партии существовала значительная группа людей, которые считали недопустимыми какие-либо отношения с буржуазией. В конце 1917—начале 1918 г., когда германские армии были готовы возобновить наступление против Советской республики, когда страны Антанты организовывали интервенцию против молодого государства рабочих и крестьян, В. И. Ленин поставил вопрос о компромиссах и всесторонне обосно-

^е С. И. Аралов. Воспоминания советского дипломата. М., 1960, стр. 36.

вал их условия, положив в основу принцип полной самостоятельности и независимости Советской страны.

Уже в марте-апреле 1918 г. по указанию В. И. Ленина были составлены подробные планы экономических и торговых связей между Советской Россией, с одной стороны, и США, Англией и рядом стран — с другой.

Это были первые ростки, первые проявления той политики, которая в будущем получила название политики мирного сосуществования.

Более полувека прошло с того времени, когда в белоколонном зале Смольного прозвучал с трибуны голос В. И. Ленина, огласившего текст исторического Декрета о мире. И в течение всех этих 50 с лишним лет Страна Советов твердо и неизменно следует в области внешней политики миролюбивому ленинскому курсу, хранит непоколебимую верность страстному ленинскому призыву к миру и дружбе между всеми народами.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРОЛОГА	3
ПЕРВЫЕ ШАГИ	16
«ОТНЫНЕ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ СТАНОВИТСЯ НАРОДНОЙ»	26
МИР НАРОДАМ!	36
«НЕТ НИЧЕГО ТАЙНОГО, ЧТО НЕ СТАЛО БЫ ЯВНЫМ»	45
ДОЛОЯ СЕКРЕТНУЮ ДИПЛОМАТИЮ!	55
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ВЕРСИИ И ТАЙНАЯ ПОЛИТИКА	61
ПОСЛЕСЛОВИЕ	73

24 коп.

**В МАГАЗИНАХ
«АКАДЕМКНИГА»
ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ
КНИГИ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ
СЕРИИ:**

БЛИНОВ В. П. и др.

О тех, кто идет впереди. 1961.
95 стр. 15 к.

ВЕЛИКОВИЧ Л. Н.

Церковь и «народный капитализм». 1962. 120 стр. 18 к.

ВЕЛИКОВСКИЙ С. И.

Поэты французских революций. 1789—1848. 1963. 279 стр.
36 коп.

ГАЛКИН А. А.

Версаль и рейнские сепаратисты. 1962. 110 стр. 17 к.

ИВАНОВ Р. Ф.

Гражданская война в США.
1960. 179 стр. 10 к.

КЛОЧКОВ В. Ф.

Народ — себе. 1963. 126 стр.
19 к.

КОЛПАКОВ А. Д.

Ирландия — остров мятежный.
1965. 191 стр. 30 к.

НАЗАРОВ А. И.

Книга в советском обществе.
1964. 200 стр. 75 к.

ФУРСЕНКО А. А.

Американская буржуазная революция XVIII века. 1960.
152 стр. 10 к.

Если Вы хотите приобрести эти книги, направляйте Ваши заказы по адресу Москва В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин Книга — почтой Центральной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига» Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97
Баку, ул. Джапаридзе, 13
Душанбе, пр. Ленина, 95
Иркутск, 33 ул. Лермонтова, 303
Киев, ул. Ленина, 42
Куйбышев, пр. Ленина, 2
Ленинград Д-120, Литейный пр., 57
Москва, ул. Горького, 8
Москва, ул. Вавилова, 55/5
Новосибирск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
Ташкент, ул. К. Маркса, 28
Ташкент, ул. Шота Руставели, 43
Уфа, Коммунистическая ул., 49
Уфа, пр. Октября, 129
Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42
Харьков, Уфимский пер., 46